

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Екатерина КАЗАКОВА,
Алена ХАРИТОНОВА

ЖНЕЦЫ
СТРАДАНИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Annotation

Их называют Ходящими В Ночи. Кто они? В прошлом все до единого – люди. Но сейчас каждый из них – смерть. Волколаки, кровососы, вурдалаки... Они выманивают жертв из жилищ, чтобы насладиться вкусом их плоти и сделать похожими на себя. Лишь одно мешает обрести чудовищам безграничную власть – Цитадель. Старинная крепость, в которой обучают детей, осененных особым даром – Даром уничтожать Ходящих, упокаивать мертвецов, исцелять раненых. Они – щит, отгораживающий живых от порождений Ночи. И из всех прав им оставлено только одно – право умереть, спасая жизни других.

Хотят ли трое юных главных героев взвалить на себя такое ярмо?

Нет.

Могут ли отказаться?

Увы.

Но там, где не остается места страху, жалости и сомнениям, есть только один путь – путь к спасению.

Алёна Харитонова, Екатерина Казакова

Жнецы Страданий

Авторы выражают глубочайшую благодарность за чуткость, советы и бесценные замечания своим френдам с СИ: лучшему критику и бэте на свете – Лене (Chalcy), лучшему поэту, сочинившему песню для книги, – Ашвине, лучшему стратегу, консультанту и внимательному читателю – Алексею Ильину, лучшим поддержателям, неунывателям и ловцам стилистических блох – Галинке (Qweqwere), Лизке и Жанне, лучшему сомневателю и вопрошателю Fob'у.

Друзья, спасибо!

Без ваших вопросов, подсказок, помощи и поддержки эта книга многое бы потеряла.

P.S. А Elm'у просто передаем привет.

Хорош выдался цветень – первый месяц лета! Дивно хорош. Теплый, погожий. Ненастные дни по пальцам пересчитать можно. Нынешний же и вовсе был на загляденье. С утра пролился стеной дождь. Прибил пыль, вычернил могучие бревна тына и тесовые крыши изб, оставил на тропинках блестящие лужи. А после солнышко выглянуло. Тепло!

Во дворах все еще царила тишина, но уже тянулся над поселением дым очагов – скоро возвратятся с лова охотники, молодежь придет с репища, дети из лесу. Тогда и оживет деревня; рассыплется тишина на голоса, смех, визг, крики и радостный собачий лай.

Летние дни – длинные, светлые. Ночь на порог едва ступит, едва крылья свои черные над миром раскинет, а утренняя зорька ей уже в затылок дышит. Всегда бы так...

Дед Врон, опираясь на крепкую клюку, сошел с крыльца и поковылял к скамье, устроенной нарочно для него в тени старой яблони. Здесь старик тяжело сел, прикрыл воспаленные глаза и подставил морщинистое лицо щедрому солнцу.

Хлопнула дверь избы. Во двор кубарем выкатилась девчушка весен восьми. Путаясь в подоле рубашонки, она подлетела к блаженствующему старцу и, силясь казаться взрослой, проворчала:

– Ты, дедунь, долго не сиди. А то стемнеет скорехонько. – Накинула на согбенные плечи старика душегрейку и упорхнула обратно в дом.

– Егоза, – с затаенной нежностью прошептал вслед внучке Врон и вздохнул, когда подумал о том, что не увидит уж ему, как придут за Зорянкой сваты. Не доживет.

Ветер ласково перебирал седые волосы. В яблоневых ветвях свиристела птица, хрипло прокричал петух. Хорошо...

Скрипнула калитка. Дед открыл слезящиеся глаза, очнувшись от старикинской дремы. На двор с улицы зашел соседский парень. Молодой. Да только ноги едва переставлял. Горбилась некогда прямая спина, в смоляных волосах серебрилась седина. И глаза потухшие.

– Здоров будь, Острикович, – негромко молвил вошедший.

– И ты будь крепок, Каред, – ответил старик и подвинулся на лавке. – Садись. Что? Томно тебе?

Гость опустил на скамью и кивнул.

Врон посмотрел на него с жалостью.

Уж полгода миновало с той поры, как заплутал Каред во время охоты в лесу и не смог вернуться в деревню засветло. Как голосила тогда его мать, как билась в избе, как причитала! Единственного сынка забрала проклятая Ночь, единственного мужчину украла из дома.

Едва рассвело, всей деревней отправились на поиски, хотя знали – найти не удастся. Так и вышло, на охотничьей заимке парень не ночевал. И куда делся, не хотелось даже гадать. Но седмицу спустя вернулся. Приди он ночью, не пустили бы, но Каред явился белым днем. Первым заприметила усталого путника вездесущая ребятня и с визгом кинулась по дворам – хорониться. Лишь мать не побоялась, выбежала навстречу и повисла на шее, рыдая и причитая.

Вот только как мертвый был сын. Ничего не говорил, смотрел в пустоту и стоял, опустив руки плетью вдоль тела. Зазвали его в дом к знахарке. Та оглядела несчастного, но не нашла ни единой раны на белом теле, ни единого синяка. Лишь деревянный оберег, висящий под рубахой на шнурке, был словно изгрызен чьими-то острыми зубами.

Сколько ни расспрашивали парня, не говорил тот ни слова. Бедную мать отговаривали пускать его в дом, но та заупрямилась, мол, лучше всей семьей сгинем, чем родную кровь оставлю ночью за порогом.

Но не сгинула семья. Мало-помалу вошел Каред и в ум и в память. Но что случилось с ним в ночном лесу, так никому и не рассказал. Однако с той поры словно погас жизненный огонь в молодом, крепком и прежде смешливом парне, первом женихе деревни. Ходил он теперь, едва волоча ноги, и ни к какой работе не был способен – не держали некогда сильные руки ни топор, ни плуг, ни рогатину.

Говаривали, будто парень скаженный, мол, зачаровал его кровосос, и не будет теперь горе-охотнику ни жизни, ни радости, пока не скинет он с себя злое колдовство или пока не возьмет себе Ходящий в Ночи новую жертву.

Ах, как перепугалась весь! Едва солнце к горизонту начинало клониться, все по избам хоронились. Но прошло уже полгода с той поры. Люди в веси, хвала Хранителям, не пропадали. Кареду делалось то лучше, то хуже, да только прежним он, все одно, не стал.

– Муторно мне, дедушка, – сказал наконец парень, с трудом выталкивая слова. – Страшно...

Врон помолчал, раздумывая о чем-то своем, а потом заметил:

– Ты допрежь трусом не был.

– Не был... – негромко произнес скаженный. – Но допрежь так не боялся. Страх побеждать умел. А теперь разучился. Видать, слаб сделался.

Врон улыбнулся.

– Будь страх противником легким, ни одного труса бы на свете не осталось. Дык ведь только страх, Каред, человеку не просто так даден. Хранители не зря упредили, что любая живая тварь бояться должна. На пользу. Но есть страх стыдный, а есть простительный.

– Как это? – без всякого интереса спросил парень.

– А так. Вот нежити ночной бояться стыдно? Нет. Как же ее не бояться, ежели человек с ней совладать не умеет? А поступков дурных стыдно бояться? Тоже нет, ибо какой это страх? Это совесть наша тревожится. А пройти мимо слабого, побоявшись его защитить? Стыдно? Еще бы! А самому слабость явить? То-то. Видишь, сколько их – страхов разных. И все со смыслом. Так что не всякий перебарывать нужно, а лишь тот, который человека гаже делает.

Согбенный парень грустно усмехнулся и сказал:

– Просто у тебя все, дед. Как в басне. Только не так-то это легко – перебороть.

Его собеседник кивнул:

– А ты как думал? Победить всегда трудно. На то мужество надо. А мужество только от любви прибывает. Любовь – сила полноводная. Ради нее лишь страхи забывают. Она и душу исцеляет... Так-то.

Каред слушал старика и глядел в пустоту. О чем он кручинился? Поди угадай. Но уже к ночи пропал парень бесследно, и не нашли его ни на следующий день, ни через седмицу. Только горько причитала мать и плакала Зорянка, которой обещал он смастерить соломенную куклу...

Зима в этом году стояла холодная и снежная. Поутру, пока от дома до ворот тропинку расчистишь – замаешься. А стужа такая, что дыхание перехватывает!

Лесана возвращалась от колодца с двумя полными ведрами, вода в которых уже начала схватываться ледком. Ветер дул в лицо, мешал смотреть, обжигал щеки.

– Дай помогу!

И ведра, только что такие тяжелые, вдруг сделались невесомыми. Девушка оглянулась, с трудом разлепила смерзшиеся ресницы.

Высокий широкоплечий парень в овчинном тулупе перехватил ношу и улыбнулся. Лицо у него было круглое, курносое, простое. Самое лучше в мире лицо! Лесана зарделась. Мирута давно запал ей в сердце. А она нравилась ему. И весной, возможно, он придет со сватами. Нет, не «возможно», точно придет! От этой мысли на душе становилось тепло-тепло, и даже обжигающий ветер не мог загасить горение сладкого пламени.

Шли молча. Да и о чем говорить? Все они друг о друге знали. Он – сын кузнеца, она – дочь гончара. Не самая завидная невеста, чего уж душой кривить. Семья не шибко богата, скотины в доме немного, зато детей – семеро по лавкам. И она, Лесана, самая взрослая. Была у нее сестра, летами старше. Но вот уже четыре года как пропала Зорянка. Вечером, в прозрачных осенних сумерках, провожал ее жених до дома. Всего-то и надо было дойти от одного двора до другого. Так оба и сгнули. Искали их наутро, звали, кричали, надеялись, что спасли несчастных деревянные ладанки-обереги. Но нет. Только собаки беспокоились и выли...

Вызвал тогда деревенский староста обережника, чтобы защитил поселение от возвращения влюбленных. Недешево обошелся охранительный обряд, так недешево, что не сыграли в тот год ни одной свадьбы – не на что было пиры пировать, едва дотянули, перебиваясь с овса на полбу, до нового урожая.

А Лесана до сих пор помнила колдуна – высокого бледного мужика, облаченного в серую, как дорожная пыль, одежду. Он тогда посмотрел на ревущую в три ручья девочку таким холодным и неживым взглядом, что у нее подкосились ноги. И думать забыла рыдать. Хотя как не плакать, когда родная сестрица вместе с женихом обратилась в нежить и в любой миг может возвратиться на родимый порог – стонать, скрестись под окнами, смеяться диким смехом или со слезами звать родичей, чтобы выглянули из избы.

Зато после обряда, проведенного наузником, в деревне стало спокойнее. Теперь обережный круг, очерченный вдоль тына, берег от нечисти все поселение. Даже впотьмах можно было выйти во двор, а то и дойти до соседнего дома. Конечно, по-прежнему мало кто осмеливался нос из дому в сумерках высовывать, но все равно так было спокойнее.

Мирута – из всех храбрецов на деревне первый – рассказывал Лесане, как ночью с друзьями на спор ходил аж до самого колодца! И, хотя сердце едва не выскочило из груди, никто парня не тронул, но он клялся, будто слышал Зорянкин голос, зовущий из-за тына. Отец тогда надавал ему подзатыльников и целую седмицу не выпускал из кузни, работой выбивая из бестолкового дурь. Ибо все знали – не спасет охранное заклятие, если поманит жертву лишаящий разума зов Ходящего. Добро, коли висит на шее оберег заговоренный. Но иным храбрецам, бывало, просто хватало услышать голос, взывающий о помощи. Такие сами выбегали к кровожадному волколаку и становились добычей.

Да, всякое случалось. Потому каждый знал: с наступлением ночи, если хочешь остаться в живых, из дому – ни шагу. Богат ты или беден, но серебро на защитный талисман-оберег для жилья отыщешь. У кого достаток позволял, те заговаривали целые подворья. Если же беден был человек, накладывал он заклятие всего лишь на дом, но дом этот делался укрытием и для скотины (если имелась таковая), и для людей.

Когда у отца дела шли совсем плохо или когда год был неурожайный, засушливый, в доме Лесаны теснились за перегородкой и корова с теленком, и коза, и десяток кур. Никуда не денешься.

То ли дело семья Мируты! У них у каждого есть дорогой оберег-ладанка на шею, заговоренный на защиту от зова Ходящих не на год, не на два, а на целых пять лет. И кузня, и дом, и все подворье их осенены особым наговором.

А вот у соседей, бондарей с окраины, денег не водилось; потому, когда померла в семье бабка, не на что было пригласить колдуна – отшептать покойницу. Похоронили ее за буевищем, ибо знали – поднимется.

Так и случилось. Встала старая через два дня и несколько седмиц ходила вокруг деревни, скрежещущим голосом звала сына. Пришлось тому продать корову, чтобы утихомирить мать. Но долго еще малые дети в доме бондаря кричали во сне, все казалось им – скребется бабушка в дверь, хочет войти и загрызть.

Чего только не бывало. Да.

Думала обо всем этом Лесана, идя к дому, а рука сама собой тянулась к ладанке, висящей на шее под исподней рубахой. Ни у кого в ее семье не было такой. Заговоренной от зова кровососа. Этот оберег подарил Мирута на праздник Первого снега.

Но вот и родные ворота. Девушка остановилась и обернулась к провожатому. Тот нес огромные ведра без малейшей натуги и смотрел счастливыми глазами на шагающую впереди подругу. Хороша была дочка гончара! Русая косища толщиной в руку спускается из-под платка на спину, щеки и нос на белом лице полыхают отчаянным морозным румянцем, но синие глаза под белыми от инея ресницами смотрят открыто и прямо.

– Давай, – протянула она руки в меховых рукавичках, собираясь забрать у парня ведра.

Тот покачал головой и поставил тяжеленные бадьи в снег у тропинки.

Девушка залилась краской, но молодого кузнеца это не смутило. Он зажал малиновую от смущения пригожую спутницу между сугробом и забором и знай себе целовал, пользуясь тем, что от сторонних глаз их прятал опушенный снегом куст калины.

Наконец задыхающаяся Лесана вырвалась, толкнула ретивого ухажера и подхватила ведра.

Мирута засмеялся, глядя, как улепетывает от него застенчивая краса.

– Скажи отцу, едва снег сойдет, сватов пришлем! – весело крикнул вслед.

А девушка хлопнула тяжелой створкой ворот и с обратной стороны привалилась к ней, силясь совладать с дыханием и пряча пылающее от счастья лицо в ладони. Скорей бы!

Долгожданная весна выдалась унылая и затяжная. Проклятые сугробы никак не таяли!

И хотя люди уже давно сменили овчинные полушубки на легкие свиты, ноздреватый снег еще лежал плешинами то тут, то там, а дни тянулись серые, ветряные, пахнущие прелой обнажающейся землей.

Гончар ждал сватов, досадуя. Весенняя свадьба голодная. Старый урожай почти подъели, а новый еще не засеяли. То ли дело осень! Но кузнецову сыну, похоже, страсть как хотелось

обневеститься. И только будущая молодоженка ходила счастливая. Ей-то с родительского двора упорхнуть хотелось, чем быстрее, тем лучше.

...Нынешний день – первый за все предыдущие седмицы – выдался солнечным, радостным. Впервые весна не блазнилась, а въяве пришла. Лесана убиралась в хлеву, когда услышала оживленные крики с улицы. Неужели? Вот так, без предупреждения? Страх, замешанный на волнении и предвкушении, стиснул трепещущее сердце. Наконец-то!

Счастливица метнулась прочь из стойла, сжимая на бегу деревянный оберег – главное свидетельство любви Мируты. Но оказалось, то были не сваты.

Когда девушка выглянула за ворота, по улице неспешно ехал незнакомый всадник в черной одежде. Серый в яблоках конь степенно шагал по раскисшей дороге, а рядом, торопливо кланяясь, семенил староста. Диво! С чего бы чужаку такая честь?

Но тут порыв свежего весеннего ветра сорвал с путника капюшон, открыв пепельноволосую коротко стриженую голову. Крефф! Да неужто? Как есть – обережник из Цитадели! Вон, и меч видать! Приехал искать выучей. Лесана зачарованно смотрела в спину удаляющемуся чужину.

Уже к полудню весть о приезде посланника Цитадели разнеслась по всему поселению. В воздухе повисло ожидание. Велика будет честь для деревни, если крефф найдет здесь осененного Даром и заберет на обучение. Обережники Цитадели становились либо колдунами (достаток на всю оставшуюся жизнь!), либо целителями (и эти не бедствовали), либо ратоборцами (жизнь у них суровая и короткая, но сытная).

А уж если чадо науку примет да опоясано будет, то поселение его сможет Осененным платить только половину куны. Счастье! Но в Лесанину весь крефф приезжал последний раз пять лет назад и уехал ни с чем.

На утро следующего дня всем было велено явиться к дому старосты и привести с собой детей. Семья гончара Юрдона тоже собралась. На диковинного гостя посмотреть было интересно, но живущая ожиданием невеста о нем думала меньше всего. Снег почти сошел. Скоро постучатся в ворота сваты кузнецов. Сердце сладко замирало, и до всего остального дела не было.

Солнце клонилось к закату, когда настала очередь Лесаниной родни показать детей заезжему страннику.

Крефф сидел у печи, прижавшись спиной к теплему камню. Девушка даже удивилась – вроде не старый, а лицо не то что уставшее, но какое-то... Она не могла объяснить. Мужчина оказался ладен и крепок. Не такой дюжий, как Мирута, но куда там кузнецу даже с его пудовыми кулачищами против такого!

Жесткое лицо, заросшее колючей щетиной, было лишено всякого выражения, а в глазах... в глазах пустошь мертвая. Никогда допрежь Лесана не видела такого тяжелого взгляда. Не отражалось в нем ни чувств, ни искорки веселья, ни любопытства, ни усталости, ни раздражительности. Ничего. И были глаза, без всякого выражения смотрящие из-под черных прямых бровей, такими же серыми, как весеннее небо. И такими же холодными. А правую щеку креффа уродовал белый рубец рваного шрама.

Взор обережника скользил по лицам меньших Лесаниных сестер, но вот остановился на самой девушке... и вдруг в тишине дома прозвучало негромкое:

– Подойди.

Дочка гончара застыла от ужаса, решив, будто крефф умеет читать мысли и сейчас пристыдит ее при всех, что осмелилась задумываться о выражении его глаз и уродстве лица.

– Сколько тебе весен?

Несчастливая молчала, не в силах выдавить ни звука.

– Ты немая?

Девушка отчаянно замотала головой, понимая, что не может сказать ни слова.

– Господин, она сробела, – вступился отец, но его замечание не было удостоено ответа.

– Итак, еще раз. Сколько тебе весен? Сговоренная?

Проглотив застрявший в горле ком, бедняжка наконец ответила:

– Семнадцать. Нет. Не сговоренная.

– Я просил подойти.

Ой! Она шагнула вперед. Почему-то показалось, что идти приходится через сильный ветер, будто невидимая упругая стена мешала сделать шаг. Лесана собрала в кулак всю волю, перебарывая диковинную преграду.

В серых глазах промелькнуло неожиданное удовлетворение.

– Ты когда-нибудь дралась? – последовал неожиданный вопрос.

Она снова кивнула, не чувствуя в себе сил на ответ. Взор равнодушных очей обратился на гончара.

Юрдон моргнул, не понимая, к чему такие расспросы, и покаянно ответил:

– Господин, она спокойная девка, но пару раз сцеплялась со здоровыми парнями.

Та, о которой шла речь, потупилась. Ей ли – невысокой, мягкой, словно шанежка, с нежным румянцем на лице и белой чистой кожей – славиться, как задире? Таким более пристало у окна с вышиванием сидеть и визжать до звона в ушах при виде мыши. Но ведь и правда, однажды на ярмарке в соседнем селе сцепилась с незнакомым мужиком, который пытался подрезать у матери кошелек. Кто бы мог подумать, что пятнадцатилетней девчонке достанет сил не только метнуть вора наземь, но и ударить так, чтобы сомлел и в себя пришел лишь после ведра воды, вылитого на дурную голову.

А второй раз... Второй раз она наказала Миругу, когда он, медведище, полез на сиделках ее потискать. А что? Ростом невелика, но женской статью вышла. Тогда-то и проучила девушка будущего жениха, наотмашь ударив кулаком по лицу. Как только зубы целы остались. И в тот памятный день впервые дюжий кузнец посмотрел на нее с восхищением.

Тем временем крефф оглядел смущенную девку и сказал:

– Эта.

Слова камнем упали в тишину горницы. У Лесаны сердце ухнуло в живот, а потом подпрыгнуло к горлу. Как «эта»? Почему? Да никогда у нее не было способностей к колдовству! У нее свадьба скоро, она сватов ждет!

– Выезжаем завтра на рассвете.

Родители и сестры в немом изумлении уставились на будущую выученицу Цитадели. А та стояла и чувствовала, как раскачивается под ногами дощатый пол.

Из дома старосты девушка вышла, словно во сне. И очнулась лишь в родной избе, когда мать, причитая, начала собирать вещи в лубяной короб. Только здесь несостоявшаяся невеста горько расплакалась, повалившись на лавку. Тут же заголосила и родительница, а следом вразной отозвались молодые.

– Хватит вам убиваться, как по покойнице! – рявкнул отец, старавшийся скрыть растерянность за суровостью. – Не на смерть отдаем, на учение. Глядишь, воротится лучше, чем была. Не реви. На золоте есть и спать будешь, дуреха. Такая честь тебе выпала.

Увы! Дочь не слышала этих мудрых увещаний. Уткнувшись лицом в ладони, она

продолжала рыдать, но плакала не оттого, что придется ехать далеко от дома, к чужим людям, да на несколько лет. А оттого, что был у нее Мирута, расставание с которым казалось не пыткой даже – смертью. Как случилось так, что вся упорядоченная и размеренная жизнь вдруг развалилась на обломки?

Приехал бы этот крефф на год раньше, так девушка от гордости лопнула бы, что он ее выбрал. Но нет, принесла его нелегкая сейчас, накануне сватовства. И не ехать нельзя. Слово Осененного – закон. Откажешь – ни один обережник ни за какие деньги не придет на помощь веси, хоть золотой дождь на него обруш. Поэтому не могла Лесана даже и возмутиться. Оставалось только плакать и собирать в кузов вещи – единственное, что на чужбине напомнит о доме.

А Мирута не пришел. Когда он узнал о том, что любимую забирают в Цитадель, за окнами уже стемнело.

Они выезжали рано утром. Мужчина на сером коне и девушка на пегой кобылке, которую креффу продал за две серебряные куны староста.

Солнце светило ярко. Весна, похоже, утвердилась, завладела миром, и скоро на смену месяцу таяльнику придет зеленник – с первыми нежными, клейкими листочками. Сквозь слезы будущая выученица смотрела на толпу провожающих. На улицу высыпала вся деревня. Многие поглядывали на старшую Юрдоновну с удивлением, но во взглядах большинства читалась зависть.

Да чему тут завидовать-то! Едва исчезнет «счастливица» за поворотом, как все вернутся к привычным заботам, в родные избы. Обедать сядут в том же кругу, что всегда, и спать устроятся, где привыкли. А что ждет ее? Где преклонит голову? Чем утолит голод? В чем найдет утешение? Да и найдет ли? От тоски и острой обиды, что ничего уже в жизни не будет так, как прежде, захотелось расплакаться, но в горле стоял жесткий ком – не раздышишься.

Подошел Мирута, смущаясь столпотворения, неловко, как-то наспех, обнял и отстранился. Лесане сделалось обидно, но ведь сватов он прислать не успел, потому и впрямь стыдно было обжиматься на глазах у всех.

Крефф терпеливо ждал, когда соотчичи попрощаются с девушкой, но по скучному лицу становилось понятно: лучше с расставанием не затягивать.

Мать обнимала дольше всех. Припала к дочери и заплакала – горько, безутешно. Как ни держалась Лесана, а в носу сразу же зашипало и щеки мигом стали мокрыми.

– Пора, – оборвал поток рыданий спокойный голос креффа.

Кое-как его спутница высвободилась из кольца ласковых рук и забралась в седло. Тронула поводья, и кобылка послушно двинулась вперед по дороге. Лесана оглянулась. Родители, прижавшись друг к другу, словно в томительной скорби, медленно шли следом, а за ними, держа за руки ревуших молодых, брела сестра.

Но вот крефф стегнул пегую кобылку по крупу, и та перешла на резвую рысь. Родной тын стал быстро отдаляться, и последнее, что увидела девушка, прежде чем дорога сделала крутой поворот – маму, прячущую заплаканное лицо на груди у отца. А потом все скрыли голые черные деревья.

Долгий путь Лесане почти не запомнился. Мелькали стволы сосен, пахло землей и влагой, в угрюмых черных ельниках кое-где еще виднелись грязные корки лежалого снега, но ветер был теплым и солнышко пригревало. Девушка ехала молча, и спутник ее не собирался

завязывать беседу. Остро переживающая разлуку с домом, дочка гончара не терзалась ни голодом, ни жаждой. На душе было пусто, и всякая мысль, казалось, может породить только гулкое эхо и ничего больше. Но вот крефф придержал коня, и Лесане пришлось последовать его примеру.

– Что? – спросила она и с ужасом увидела: солнце клонится к закату.

Скоро ночь, а вокруг непролазная чаща и ни заимки, ни избенки, ни землянки с бережными знаками!

От страха свело живот.

Мужчина тем временем неторопливо спешил и шагнул в сторону раскинувшегося у дороги березняка. Спутница последовала его примеру и, схватив лошадку под уздцы, поспешила следом.

Ей было страшно. Хотелось забиться куда-нибудь под кочку, стать маленькой-маленькой и затаиться до утра, трясясь и обмирая. Ночь! И нет крова, под которым можно укрыться!

Тем временем крефф невозмутимо снимал с коня поклажу, расстилал на земле толстый войлок, готовился развести костер. Он что же, собирается ночевать под открытым небом?

– Господин, – тряским от почтения и страха голосом осмелилась спросить девушка, – мы разве не будем искать, где спрятаться?

Он покачал головой, не считая нужным отвечать.

У Лесаны засосало под ложечкой. Она была испугана, чувствовала себя глупой и жалкой. Пока бережник обустроивал ночлег, девушка непослушными от волнения руками готовила себе ложе. Сумерки наползали медленно, но несчастной уже казалось, что чаща наполнилась звуками дикой жизни – где-то стонало, рычало и ухало.

– Господин...

Он прервал ее:

– Если тебе дали в дорогу еды, доставай и ешь. Если надо в кусты – иди, но быстро.

Она покраснела, однако поспешила прислушаться к этому своевременному совету. Когда же дочка гончара вернулась к костру, ее спутник лежал, вытянувшись на войлоке, и отдыхал.

Впервые Лесана подумала о том, что ему, должно быть, мало радости скитаться по деревням и собирать вот таких, как она – дрожащих жалких девок, боящихся каждого шороха. Нешто это жизнь – трястись день и ночь в седле, объезжая отдаленные поселения, ночуя каждый раз в незнакомом месте? Она не представляла себе такого бытья, и потому пожалела молчаливого странника.

Открывая берестяной кузовок с лепешками и вдыхая сдобный сытный запах, девушка задумалась: а был ли у креффа дом? Жена, мать, дети? Кажется он совсем одиноким. Лесана поднялась на ноги и подошла к спутнику.

– Угощайся.

Он по-прежнему молча сел, взял две лепешки, кусок мяса и неторопливо принялся есть.

Сотрапезница исподволь за ним наблюдала. Она не видала еще подобных людей – молчаливых и с таким остановившимся взглядом, по которому не поймешь, о чем сейчас думает его обладатель. Девушке захотелось подружиться со своим странным спутником. Ну неразговорчивый, и что? Из дядьки ее тоже двух слов за седмицу не вытянешь, но ведь человек он хороший. Просто неболтливый. Так, может, и этот такой же? Ведь за что бы ему ее не любить? Верно, не за что.

– Когда мы приедем в Цитадель? – тихо спросила Лесана.

– Через шесть дней, – последовал равнодушный ответ.

Шесть дней! Так далеко!

– Ты наелся?

– Да. Пора спать.

Подзабытый ужас вновь скрутился в животе тугим узлом. Лесана огляделась, с опозданием понимая, что сумерки сгущаются.

– Господин, как...

Он поднялся. Не обращая внимания на жалкий лепет, достал из-за пояса нож с длинным острым клинком и полоснул себя по ладони.

Девушка ахнула и закрыла рот руками. Крефф что-то беззвучно зашептал, обходя место привала по кругу и кропя землю. Когда обережник приблизился к своей трясущейся от ужаса спутнице, той показалось, что он хочет порезать и ее. Лесана сжалась на ложе, однако выставила перед собой дрожащую руку с розовыми следами сошедших мозолей. Но колдун резать длань не стал, наклонился к подопечной и, обмакнув палец в кровь, начертал под зажмуренными глазами две резы.

– Сейчас высохнут, и можешь спать.

Девушка кивнула, ничего не спрашивая. И так все поняла. Обережник творил охранное заклинание, чтобы к их маленькой ночевке не вышли обитатели Ночи. Но Лесане стоило огромных трудов сдерживаться, чтобы не извергнуть из себя недавнюю трапезу.

– Господин, разве *они* не придут на запах крови? – несмело поинтересовалась будущая выученица.

Хотелось услышать живую речь, чтобы удостовериться – с ней рядом по-прежнему человек, а не клятый Встрешник, который будет страшнее Ходящих в Ночи.

– На запах этой – нет, – ответил тем временем ратоборец, перетягивая ладонь чистой тряпицей. – Кровь обережников защищает Дар.

Собеседница успокоилась. Голос мужчины был невозмутим. Похоже, спутник не злился на ее любопытство и неловкость. Да и остатки здравомыслия подсказывали девушке – крефф знает, что делает. Однако спать ночью под открытым небом все равно было страшно... Порядком перетрусившая, она легла, накрывшись с головой плащом, и смежила веки.

Вот пройдет пять лет, и можно будет вернуться в родную деревню. И не просто вернуться! А Осененной – той, которой станут нипочем волколаки, упыри и кровососы. Как будут завидовать ей! Как начнут уважать! Была всего-то Лесанка – дочка гончара, почти голытьба, а станет... Кем она станет? Лучше бы, конечно, колдуньей. Как будет гордиться Мирута!

И тут ведром студеной воды обрушилось запоздалое понимание: пять лет. Пять! И несчастная наконец поняла: не будет гордиться ею Мирута. Потому что не проходит завидный жених бессемеиным такой срок. Глупая! Нешто станет молодой красивый парень год за годом ждать возвращения девки, которую только и поцеловал несколько раз?

Нет! Он не такой! Конечно, станет! И Лесана крепче стиснула деревянный оберег, подаренный суженым. Он дождетя, обязательно! Но горячие слезы текли и текли по лицу. Девушка смахивала их, размазывала ладонями, подавляя рыдания.

Уставшая от тягостных дум, плача и долгой езды верхом, она провалилась в сон, даже не успев испугаться сгустившейся вокруг темноты.

Проснулась же от того, что стало холодно. Сквозь сон подумалось – поди, опять одеяло на пол сползло. Но горячую кожу обжег холодный ветерок, и девушка вспомнила, где она и с кем, с ужасом вскинула голову и... обомлела.

Хранители пресветлые! Что это? Несчастливая поняла: она стоит на грани света и тьмы и тянет руки в сумрак леса, откуда глядят горящие зеленою голодные глаза.

Возле дерева, которого почти не достигал свет догорающего костра, замер высокий мужчина. Он не произнес ни слова, но глаза... Зеленые, словно болотные огоньки, они мерцали, завораживали, манили.

Лесана сделала шаг вперед, но замерла, встретив невидимую преграду. Что-то мешало идти дальше, а она уже не могла противиться зовущему взору, обволакивающему, притягательному, обещающему... Девушка вспомнила: кровь! Вещая руда обережника – вот что не пускает ее за очерченный круг. А ее так тянуло к мужчине... О, как ей хотелось коснуться его! Прижаться всем телом, вдохнуть запах, почувствовать тепло, исходящее от кожи... Как долго она его ждала! Именно его! Зачем Мирута? При чем здесь Мирута, когда напротив стоит *он*! Рядом с ним можно не бояться темноты, он не даст в обиду... Мысли путались в голове, рассудок туманился, влечение становилось все сильнее и сильнее.

Незнакомец призывно улыбнулся, однако вместо того, чтобы приблизиться, поманил жертву и бесшумно отступил в чашу.

И тогда она наклонилась и торопливо процарапала ногтями землю, прихваченную последним весенним морозцем. Преграда, отделявшая людей от обитателя Ночи, рухнула.

Лесана шагнула из безопасного круга в темноту. Сердце наполнилось ликованием. Вдруг стало хорошо и спокойно. Вот она идет одна по черному лесу и ничего не боится, а впереди в кромешной тьме крадется ее спутник, в каждом движении которого проглядывает звериная хищность, волчья повадка. И он ведет ее... ведет... ведет...

Как долго они шли? Какая разница! Просто вдруг остановились, и мужчина шагнул к спутнице, притянул к себе. Она прильнула к широкой груди, ощутила запах мокрой волчьей шерсти, а на бедрах сильные руки. Сладкое томление разлилось по телу, дыхание Ходящего обжигало кожу, думать ни о чем не хотелось, да и не было сил думать.

И вдруг чудовище, прильнувшее к Лесане, выгнулось, оттолкнуло сомлевающую жертву и взревело от ярости. Чары рассеялись. Девушка отпрянула, вдыхая удушливый запах псины и пота.

В темноте сверкнуло мертвенное голубое сияние, и оборотень покатился по земле, рыча и воя, объятый призрачным свечением. С ужасом несостоявшаяся жертва узрела на человеческих плечах страшную звериную голову. Тварь упала на четвереньки, неестественно выгнула хребет, и одежда с треском расплзлась. Волколак метнулся вперед, делая кувырок через голову. Брызнула кровь, и живая кожа лопнула, обнажая мокрую звериную шкуру.

Несколько мгновений – и на поляне стоит огромный волк. Ощеренная морда, влажные клыки... Сейчас бросится! Но голубое сияние колышущимся маревом обволокло хищника, поднимая дыбом жесткую шерсть вдоль хребта, пробегая по ней ослепительными синими искрами. Ходящий взревел, хотел ринуться вперед, но словно налетел на невидимую стену, опрокинулся на спину и заскулил от боли и ужаса – жалобно, по-щенячьи. Всякая тварь хочет жить. А оборотень уже понял – жизнь его подходит к концу.

Крефф стоял напротив. В его взгляде не было гнева. Но и снисхождения тоже. Там зияла все та же мертвая пустота, только отсветы призрачного сияния таяли в глубине зрачков. Мерцающий свет тянулся от его ладоней к волколаку, который корчился на земле и перед смертью пытался принять людской облик. Пытался, но, сдерживаемый Даром, не мог. Оборотень подойдет в обличье зверья. Только так он не встанет. Резкий взмах рук, и

сопротивляющегося оборотня, словно стянутого невидимым арканом, потащило к ратоборцу. Блеснул клинок, и человек принял огромного волка на нож. Яростный рык смолк, сменившись булькающим хрипом.

Девушка осела на землю, затряслась всем телом. Никогда она не видела, как убивают нежить. Все было проделано хладнокровно, быстро и равнодушно. Лесана с ужасом поняла, что черный лес плывет у нее перед глазами. Дышать стало нечем, к горлу подпрыгнул ледяной ком, по телу выступил холодный пот. Ослушницу скрутило, содержимое желудка опасно всколыхнулось, но... наружу, к счастью, не исторглось.

Однако уже через миг задыхающуюся, дорожащую от слабости и пережитого страха девку безжалостно встряхнули. Стальные пальцы сомкнулись на плече, и крефф потащил подопечную прочь из чащи к безопасной поляне.

Костер вспыхнул, словно в него плеснули масла. Мужчина наклонился к бессильно упавшей на войлок спутнице, вздернул ее за подбородок и взгляделся в лицо.

– Сказал же – не стирать кровь.

– Я...

– Сказал?

– Да... – прошептала без вины виноватая. – Но я не стирала...

Она осеклась, вспомнив, как плакала, укрывшись плащом, и как смахивала слезы руками.

Больше ничего вспомнить не успела, потому что две тяжелые оплеухи оглушили до звона в ушах.

Никогда прежде Лесану не били. Никогда. Если и перепадало, так в далеком детстве, да и то для острастки. Поэтому до сего дня она не испытывала настоящей боли. Той, от которой немеет тело.

Дыхание перехватило.

– У волколаков сейчас гон. Он бы тебя и жрать не стал. Ссильничал бы, а мной закусить попытался, – откуда-то издали донесся спокойный голос обережника. – Ты едва не накликала беду на нас обоих. Это непозволительно. Ехать еще долго, если такое повторится, отвезу обратно в деревню и будем считать, что твои соотчичи отказали креффу.

У несчастной похолодело в груди.

– Нет! Нет! Я больше никогда...

– Молчать.

Холодные серые глаза смотрели по-прежнему без гнева. Но отчего-то девушка почувствовала себя ничтожной и жалкой.

– Прости, господин, прости меня! – взмолилась она.

Увы, мольба осталась без ответа. Мужчина молча размотал тряпицу на ладони, скovyрнул острием ножа корку запекшейся крови и снова, роняя вещь руду, замкнул круг, который разорвала его спутница. Это все из-за нее... Дура!

Однако Лесана заметила, что он даже не поморщился, когда вновь терзал свою рану, словно совсем не испытывал боли.

Тем временем обережник приблизился к наказанной и опять начертал на ее лице резы. С трудом дочка гончара сглотнула рвущиеся из груди рыдания.

– Позволь, перевяжу... – дрожащим голосом попросила она.

Крефф протянул ладонь. Девушка осторожно смыла с нее кровь, поливая из фляги, про себя обратив внимание на то, какая у него жесткая и исчерченная шрамами рука. Перевязав

рану, Лесана вернулась на свое неудобное ложе. Лицо дергало, как больной зуб. Наверное, останутся синяки. Снова захотелось расплакаться.

Слезы задрожали на глазах, и тут она вспомнила, что на щеках по-прежнему медленно подсыхают кровавые полосы. Пришлось запрокинуть голову и долго усердно моргать, прогоняя желание разрыдаться от боли, запоздалого испуга, обиды на саму себя и на жизнь, которая так предательски разлучила ее со всем дорогим и привычным.

Она заснула только под утро.

В последующие два дня не произошло ничего необычного, вот только вместо домашних лепешек и вяленого мяса питались теперь путники дичиной, которую добывал обережник. Увы, зайцы, растрясшие за зиму жирок, были костлявыми, а мясо их сухим и жилистым. Но привередничать не приходилось.

За все время странствия крефф перекинулся со своей подопечной едва ли парой слов.

Молчаливое путешествие оказалось нарушено на утро четвертого дня, когда голый лес сменился полями, раскинувшимися по обе стороны от широкой, плавно несущей свои воды реки.

Огибая невысокий холм, поросший вербами, странники выехали на наезженный тракт, к которому стягивались сразу несколько дорог. По одной из них тоже трусили две лошадки.

На удивление Лесаны, ее спутник натянул поводья, ожидая приближения незнакомцев.

Когда мужчины подъехали ближе, дочка гончара поняла, что оставшийся путь до Цитадели проделают не одни.

– Мира в пути, Клесх! – приветствовал креффа колдун, сидящий на гнедом коне.

Вот она и узнала имя своего молчаливого спутника.

– Мира в пути, Донатос, – эхом отозвался обережник.

Тот, к кому он обращался, кивнул и направил своего жеребца вперед по дороге. Взгляд пронзительных колючих глаз упал на Лесану, и девушка молчаливо охнула. Колдун! Тот самый, который приезжал в их деревню после пропажи Зорянки и обносил поселение заклинанием! По коже побежали мурашки. Мужчина почти не изменился, разве только черты лица стали еще жестче и резче, да складки в уголках тонких, плотно сжатых губ пролегли глубже, а в коротко стриженных волосах и щетине на подбородке просверкивала седина.

На вид ему можно было дать весен сорок. Он годился ей в отцы. Да и не только ей, но и своему спутнику. Девушка перевела взгляд на подопечного Донатоса.

Молодой парень, года на два ее старше, колыхался в седле. Он был грузный и рыхлый. «Кровь с молоком» про такого молвить – все равно что тощим обозвать. На переносице и пухлых щеках рассыпались яркие трогательные веснушки, а темные глаза смотрели с благожелательным любопытством. И веяло от него добром, уверенностью, теплом. С таким хорошо сидеть дома, в избяном тепле, и уплетать наперегонки пироги. Что ему делать в Цитадели среди таких, как Клесх и Донатос?

Юноша тем временем направил своего конька к кобылке Лесаны и поздоровался:

– Мира в пути.

– И тебе, – ответила девушка и смешалась, не зная, что еще сказать.

– Ты не выглядишь радостной, – справедливо заметил толстяк и добавил: – Меня Тамиром зовут.

– Меня Лесаной.

Они помолчали, глядя в спины своим спутникам, а потом девушка вновь повернулась к

новому знакомцу и призналась едва слышно:

– Я не очень хотела ехать.

Парень с тоской оглянулся на уходящую вдаль дорогу. Дорогу, ведущую к его дому.

– И я, – так же негромко ответил он. – Когда крефф приезжал год назад, он собирался забрать сына лавочника с нашей улицы. Сказал: «Из него выйдет толк».

– Отчего же не забрал?

Тамир досадливо махнул рукой, сжимающей повод.

– Утонул тот. Прошлой весной.

Девушка вздохнула.

– Я в Старград собирался, – расстроено продолжал юноша. – Меня родители благословили на труды в пекарню посадскую.

– А ко мне сваты должны были прийти, – грустно поделилась подруга по несчастью.

Оба замолчали, каждый печалась о несбывшемся.

Долго ехали, безмолвствуя, слушая размеренный скрип сбруи да стук копыт, а потом Донатос и Клесх направили лошадей в сторону, по узкой, убегающей в голую рощицу дороге.

В сумерках путники въехали в небольшое село. Здесь был праздник. Жаль только, гости явились к самому его завершению – мужики уже уносили с улиц столы и лавки, женщины домывали посуду.

Путников встретили с почтением, бросив все дела. Креффов препроводили в избу старосты, а Лесану и Тамира определили на постой в соседний дом. К тому времени уже совсем смерклось, поэтому, как ни мечтали странники о бане, пришлось только поплескаться в ушате. Зато ужин им собрали поистине роскошный. Хозяйка хлопотала, собирая лучшие яства: наваристую похлебку, печеную рыбу, пироги.

– Да вы ешьте, ешьте, – приговаривала она. – Вот ведь радость у нас какая – дочку отдаем учиться! Уж сколько лет стоит село, никогда здесь креффы Осененных не находили. И надо же, моя Айлиша, слава Хранителям, теперь поедет в Цитадель! Людей лечить будет!

Та, о которой шла речь, сидела на другом конце стола, стыдливо потупив очи. Лесана перехватила восхищенный взгляд Тамира. Девушка и впрямь была хороша: темные волосы, забранные в две косы, вились мелкой волной, трогательно взведенные брови над огромными глазами делали лицо беззащитным и детским, а кожа у нее была чистая, нежная, с едва заметным пушком.

Будущая лекарка застеснялась материнской гордости и обхватила руками узкие плечи. От этого движения Тамир вдруг подался вперед, стягивая с себя вязаную безрукавку.

– Озябла?

Девушка залилась краской и замерла, позволяя набросить необъятную одежду поверх своей нарядной вышитой рубахи. То ли парень ей и вправду понравился, то ли не хватило смелости возразить, Лесана не поняла, но прониклась к застенчивой девушке симпатией.

Устраиваясь спать не на жесткой земле, а на устланной сенником скамье, дочка гончара впервые за последние дни вдруг подумала, что все еще, возможно, будет хорошо. Тоска по дому за время странствия настолько высушила ее душу, что сейчас в ней родилась другая потребность – радоваться хоть чему-нибудь. Потому что нельзя только страдать и сокрушаться. Не на казнь же ее везут, на обучение! Вон, село Айлиши как ликует, да и сама она рада выпавшей на ее долю удаче. Интересно, кто ее крефф? С этими мыслями измученная странница провалилась в сон.

Уезжали они наутро. Креффом Айлиши оказалась молодая женщина с таким же

холодным выражением лица, что и у двух ее спутников. Но рядом с обезображенным Клесхом, рядом с застывшим, словно высеченным из камня Донатосом бережливица смотрелась, как нежный ландыш между двух чертополохов. У нее была белая, подсвеченная изнутри нежным-нежным румянцем кожа, тонкие высокие брови и такие длинные ресницы, каких Лесана в жизни своей не видела. Казалось, моргай они быстрее и чаще – взлетит.

Однако когда красивые руки колдуньи отбросили капюшон накидки, дочка гончара едва сдержала удивленное восклицание: льняные волосы женщины оказались остриженными так же коротко, как у мужчин.

Но главное потрясение постигло будущих учеников Цитадели, когда стали рассаживаться по седлам. Крефф Айлиши оказалась одетой... в штаны. Обычные кожаные мужские штаны! Тамир густо покраснел, поскольку отчетливо увидел то место, где сходились ноги Осенной. Впрочем, она не заметила смущения юных спутников, спокойно разобрала поводья и тронула свою кобылу пятками, направляясь прочь из села.

Лесана с ужасом смотрела женщине в спину. Сама-то она, как полагается, была одета в девичью рубаху, широкую разнополку и вязаные чулки. Ей в голову отродясь бы не пришло натянуть мужские порты и в такой срамоте появиться на людях. Но бережливица спокойно покидала место ночлега, словно не замечая, как провожающие их бабы и мужики стыдливо отводят взгляды.

Креффы ехали впереди, а за ними тянулись будущие ученики.

Жеребец Тамира шел стремя в стремя с Айлишиным, и юноша уже о чем-то негромко беседовал со спутницей. Лесана почувствовала себя брошенной. Нет, не потому, что уже забыла Мируту, просто ей стало одиноко оттого, что она была лишней рядом с этими двумя. К счастью, Айлиша, почувствовав ее уныние, придержала коня и поравнялась с новой знакомой. Она еще накануне заметила, что у Лесаны на щеках темнеют следы застарелых кровоподтеков.

– Хочешь, полечу? – предложила, зардевшись от собственной смелости.

– А ты можешь? – удивилась спутница.

Она-то сама ничего такого не умела, да и не думала никогда, что спит в ней какой-то особенный дар.

– Чуть-чуть, – призналась девушка, краснея еще гуще, – но синяки уберу.

– А больно будет? – с детской робостью осведомилась Лесана.

– Нет, – замахала маленькими ладошками Айлиша. – Дай руку, не бойся.

Дочка гончара протянула ей ладонь, и от пальцев до скулы словно пробежали по крови пузырьки воздуха. Щекотно!

Но вот Лесана недоверчиво прикоснулась к щеке и восхитилась:

– Не болит! Совсем!

– Я знаю, – потупилась будущая лекарка. – Я так скотину лечила...

И тут, поняв, что сказала глупость, покраснелась пуще прежнего, а Тамир отчего-то посмотрел на Лесану с такой гордостью, словно сам избавил ее от синяков.

Оставшиеся дни пути прошли незаметно и однообразно. С той лишь разницей, что теперь место ночлега заговаривал Донатос, и Лесане больше не приходилось засыпать с измаранными в крови щеками. Колдун читал какое-то заклинание, очерчивал привал ножом, и путники спокойно ложились.

А дочка гончара с удивлением ловила себя на том, что впитанный с молоком матери страх – очутиться ночью за пределами дома – как-то притупился. Глупо было бы, имея в

спутниках троих Осененных, по-прежнему бояться Ходящих в Ночи. Да еще за день она уставала так, что засыпала без всяких сновидений, и если даже кто-то и подходил к месту их ночевки под покровом тьмы, измученные путники этого не слышали.

И еще надо сказать, целительница, которую звали диковинным именем Майрико́, вела себя так же, как и мужчины. Спутники не пытались облегчить ей, нежной и хрупкой, тяготы пути. Впрочем, несмотря на свою кажущуюся уязвимость, крефф Айлиши не была слабой. Она одна уходила вечером в чашу, и – о, ужас! – даже без стеснения переодевалась при мужчинах, демонстрируя восхитительное нагое, белое, словно кость, тело. Тамир каждый раз заливался такой отчаянной краской, что становилось страшно, – не брызнула бы из щек кровь.

Последний день странствия выдался не по-весеннему теплым. Солнце грело так ласково, словно на смену месяцу таяльнику пришел даже не зеленник, а сразу цветень. Теплые свитки показались жаркими, как овчинные тулупы, и будущие выучи с облегчением сбросили их, втайне радуясь, что не видят матери, которые обязательно бы принялись бранить. Креффам же было все равно, а Лесана с Айлишей, пользуясь тем, что никто из деревенских кумушек не закудахчет над ухом, сняли с голов платки и даже слегка распустили волосы.

Тамир нет-нет да украдкой бросал взгляды на своих спутниц, невольно сравнивая их друг с другом. Чего, казалось бы, разного, эта – девка, и эта – девка, по две руки, по две ноги, по косице у каждой. Вот только если дочка гончара – румяная, сдобная, мягкая, словно только что вытасченный из печи каравай, – вызывала в душе юного пекаря теплое любопытство, то юная лекарка с нежным румянцем, подсвечивающим смуглую кожу, с темными завитками волос над открытым лбом, казалась сладким коржилом.

Он и смотрел на нее, как на дивное лакомство, когда и отведать хочется, и страшно прикоснуться. Вот отчего так? И юноша простодушно гадал про себя – в чем же дело? Смотрел то на одну, то на другую, но ответа не находил.

Если бы только они с Айлишей познакомились не здесь, а в его родном городе! Она бы и знать не знала, что на лошади он сидит, словно куль с горохом.

Парню впервые стало мучительно стыдно за свою неуклюжесть, за полное, колышущееся в седле тело. Эх, судьба-злодейка, отчего же не может он показаться этой девушке с другой стороны?

В Елашире Тамира, сына пекаря Строка, знали как умелого хлебопека. Говорили, парень отцово мастерство перенял едва ли не тогда, когда ходить научился. Сколько знали его, или сидел у кадки с опарой, или тесто месил, или пироги лепил. Да и сам был сдобный и круглолицый, как оладушек. Но какие пироги спроворить мог! Слава о них по всему городу шла, да такая, что сам посадник Хлюд не брезговал покупать печево юного Строковича. А уж ежели гости торговые приезжали, парень вовсе от печи не отходил. Пряники его медовые увозили целыми коробами.

Угостить бы Айлишу тем пряником, чтобы не казаться ей совсем уж никчемным. Чего греха таить, понимал Тамир, что такие, как он, скорее смех вызывают, нежели восхищение. Сколько раз в детстве лупили его за неповоротливость и лишнее тело городские сорванцы! Матушка едва не каждый день слезы лила, прикладывая к синякам и ссадинам ненаглядного дитятка подорожник.

Когда же Тамир подрос, отец мало-помалу стал приобщать его к родовому делу. Тут-то и

проявили себя крепкие строковские корни. Руки у мальчишки оказались золотые. Кто знает, может, так и трудился бы Тамир в отцовской пекарне, радуя соседей то сдобными жаворонками, то медовыми пряниками, то пирогами. Но приехал однажды в Елашир хлебопек по имени Радим. Приехал ажно из самого Старграда. Отведал, гостевая у родни, коржей из Строковой лавки, и сомлел.

Соседка Строку рассказывала, округляя глаза и размахивая руками: «Глаза-то закатил и спрашивает Стеньку мою, мол, это кто же вам такое лакомство спроворил? Она когда сказала, что парню твоему и семнадцати не сравнялось, не поверил, окаянный. Говорит: «Брешешь!»

Радим, видать, и впрямь решил, будто родня лукавит, ибо уже вечером стучался в Строковы ворота. Долго уговаривал старградский пекарь родителей отдать Тамира. Старград – большой и богатый. Один посадский двор чуть не с треть Елашира, и хлебопек толковый там нужен. На золоте есть и спать будет парень, если пойдет под Радимову руку.

Но мать с отцом уперлись: как же отпустить кровиночку в такую даль, мало ли что в дороге случится с драгоценным аль на чужбине? Вдруг да обидит кто? Но сын глядел на родителей большими глазами, и у отца с матерью не набралось воли отказать вовсе. Попросили Радима хотя бы дождаться дня вступления парня в возраст.

Знать бы, чем это обернется...

Спустя весну настал для Тамира день прощания и с отчим домом и с Елаширом. Родители снарядили сына в дорогу. Ехать Тамиру предстояло с купеческим обозом до самого Старграда, где ждал парня Радим.

У матери уже и слез не осталось плакать, даже отец весь как-то сжался, за вечер состарившись на десяток лет, а у сына сердце разрывалось между мечтой и долгом. Елашир что? То ли дело могучий многолюдный Старград!

Вот уже щелкнули кнуты, головная телега медленно тронулась, когда на площадь въехал крефф.

Парень первый раз видел наставника Цитадели и удивился тому, какой тот оказался... неживой. Лицо застывшее, а вот глаза... Ох и злые они были! Шумная площадь стихла. Колдун обвел тяжелым взглядом смолкших людей и, не обронив ни слова, направился в дом посадника.

– Принесли его псы, не мог позже приехать, – выругался в сердцах хозяин обоза и, скрепя сердце, велел распрягать лошадей. Все одно, пока крефф в городе, уезжать строго-настрога запрещается.

Весь день недобрым словом поминали купцы и горожане сына лавочника, Жупана, что сдуру утонул, доставив соотчичам немало хлопот. Когда солнышко на весну поворотило, поленился этот пустоголовый дойти до мостков, что соединяли два берега текущей через город речушки. Поперся по льду. А тот возьми да проломись, только трех овчинный и мелькнул.

Ох и матерились тогда мужики, кроша рыхлый лед топорами да пешнями. Никому не хотелось лезть в студеную воду вылавливать утопленника. Но отогревались у костров, пили горькую и снова спускались в стлывые полыньи, потому как понимали – ничего нет страшнее не погребенного по обряду тела. Получишь через три дня живого мертвяка. Будет бродить тут, поживы искать. Да и река, не дай Хранители, запаршивеет, замутнеет, затухнет. А за ней и все колодцы в городе. И что тогда? Покидать отчие дома, оставлять обжитое место Ходящим в Ночи? И все из-за одного дуболома. Потому и лезли елаширцы в ледяную воду. Матерились,

но лезли. Деваться-то некуда...

Можно было, разумеется, позвать колдуна, дожидаться, покуда он дохляка своими камланиями со дна подымет и упокоит чин чинарем. Но сколько денег на то надо? Лучше самим попытаться. Свой хребет трещит, а серебра не просит. К вящей радости всего города, получилось. Вытащили стерву. Все по укладу.

И вот, значит, явился крефф. За Жупаном. А Жупан утоп. И схоронен уже несколько седмиц как. Спит себе, окаянный, с миром, чтоб ему провалиться.

Только родители Тамира радовались приезду колдуна; как-никак, а подарил им малую отсрочку, задержал сына дома. Лишь парню было маотно. Он так долго ждал, а теперь что? Опять сидеть. Пока еще крефф найдет ученика... Эх!

Смотрины обережниковы тянулись день за днем, и, казалось, не будет им конца. На исходе седмицы собрали, наконец, всю Тамирову улицу на небольшом пяточке перед домом посадника. Крефф равнодушно осматривал стоящих перед ним людей, переводя взор колючих глаз с одного лица на другое. Тамир переминался нетерпеливо, скорей бы уж закончилось все, да и ехать... Но колдун вдруг впился в него взглядом и кивнул:

– Этот.

У матери подломились ноги. Отец и тот покачнулся, раздирая на груди ворот рубахи. Хлюд скороговоркой пробормотал благодарственную здравицу, а крефф, которого он называл Донатосом, велел через пол-оборота быть готовым выехать.

Подорожную суму собирать не пришлось, она и без того залежалась за столько-то дней.

Толком не попрощавшись с родителями, так до конца еще и не поняв, что все-таки произошло, Тамир оказался за воротами Елашира.

...Он как будто оцепенел, а в голове не осталось мыслей. Пустота. Потому что не мог рассудок воспринять такое откровение. Он, Тамир, сын пекаря Строка, единственный ребенок своих родителей – толстый, хворый, нескладный, постоянно мучающийся одышкой, и вдруг... Осененный? Быть такого не может!

Но даже своим окаменевшим сознанием парень понимал – креффы не ошибаются. Никогда. И если его выбрали, то впереди обучение в Цитадели. А как же тогда Старград, Радим? А мать, отец – как? Вся их отрада – сын. А тут – разлучиться на пять лет! Да переживут ли они? Одно дело знать, что единственное дитя в тепле и сытости, а другое – в Цитадели обучается, не пойми на кого.

Вот тогда набрался несчастный смелости спросить у молчаливого спутника, кем суждено ему стать. Донатос посмотрел на него своими оловянными глазами и сказал:

– Первый год никем. А дальше поглядим.

Почему-то эти слова успокоили парня. Чего, спрашивается, всполошился? Поди, отправят к целителям учиться припарки ставить да зелья варить. Почему к ним? Да потому что, прямо скажем, ратоборец или колдун из Тамира получится Ходящим на смех. А целительство – дело небось нехитрое. Если уж хлебы месит, то сварить травяную настойку как-нибудь сумеет. Так думал юный странник.

А покамест лежала перед ним дорога. И дорога эта тянулась через лес.

Никогда ранее парень не был в такой глухой чащобе. По чести сказать, он боялся леса. Однажды, когда ему было, должно, весен пять, мать взяла сына по клюкву. Тогда был знатный урожай ягод, бери – не хочу, целыми кузовами. И женщина собралась пополнить запасы.

Долго тогда ходили они по упругой мшистой земле, и мальчик смотрел, как в лунки его следов набирается черная вода. Угрюмо шумели высоко над головой сосны, и незнакомая

птица кричала в ветвях. А воздух был сладкий-сладкий, слаще земляники, которую он так любил.

Как уж так получилось – кто теперь скажет, но Тамир, залюбовавшись и заигравшись, отошел от ползающей на четвереньках матери. Кочка, пригорок, трухлявый пенек, развесистый папоротник, старый замшелый выворотень, и вдруг – сразу по грудь в холодную вязкую жижу!

От ужаса даже закричать не смог – дыхание перехватило, особенно когда скудным детским умишком понял, что под ногами нет дна, а только ледяная муть, неумолимо затягивающая в трясину. Жадная топь стиснула ребра, сдавила грудь, мальчик закричал, срывая голос, забился, чувствуя, что стало тянуть еще сильнее, еще неумолимее...

Мать прибежала вовремя, по самый подбородок засосало дитя прожорливое болото. Еле удалось вытащить несчастного – грязного, испуганного, хрипящего, с трясущимися губами и дорожками слез на пухлых щеках.

Тамир навсегда запомнил то отчаяние, одиночество, жадные объятия трясины и... равнодушный шум леса, которому было все равно – умрет несчастный мальчишка или останется жить. Помнил он запах прелой земли и тухлой воды, запах травы и хвои. С той поры мать более не брала единственное дитя в лес. И сама не ходила. Тоже, видать, натерпелась. Бруснику, клюкву, чернику и землянику покупали на торгу.

И вот чаща. Тихая, умиротворенная... Но все равно кажется, будто каждая веточка норовит зацепить за одежду, а каждая кочка – выбить неуклюжего наездника из седла. Но все-таки только когда остановились на ночевку, а Донатос очертил бережный круг, Тамиру стало по-настоящему страшно.

Крефф спокойно спал, а его найденьш лежал и, обмирая, слушал, как где-то воет невидимая тварь, как шуршит валежник под чьими-то то ли ногами, то ли лапами, видел, как в нескольких шагах от стоянки горят голодом зеленые глаза. А еще казалось, будто кто-то зовет Тамира, тоненько, ласково, напевно.

Он ежился, крепко зажмурился, надеясь уснуть, но с закрытыми глазами делалось только страшнее. Так и чудилось – тянутся из тьмы жадные руки Ходящих. Сам того не замечая, паренек стал тихонько поскуливать от ужаса, зарываясь носом в шерстяную накидку. Донатос тут же поднялся, подошел к подопечному и, вполсилы пнув его ногой в живот, прошипел:

– Заткнись, пока язык не вырвал! Никто тебя не тронет, а спать не дашь – мигом за круг вышвырну!

И, еще раз пнув дурня под ребра, колдун вернулся на свой войлок.

А Тамир так и не сомкнул глаз; примеривался к боли, оставленной грубыми сапогами креффа, да держался за оберег под рубахой. Наутро, когда странники покидали место стоянки, юноша заметил недалеко от бережной черты растерзанного зайца.

Да... Тяжело далась дорога: жгла сердце тоска, разъедали душу сомнения и страхи. Потому встреча сначала с улыбчивой, теплой, такой домашней и такой обыкновенной Лесаной стала для измученного опасениями и недосыпом парня настоящей отрадой. А уж знакомство с застенчивой, тоненькой, словно камышинка, Айлишей и вовсе окрылило отчаявшегося было Тамира. Отчего-то вдруг пригрезилось, как они вместе будут учиться на лекаря...

Высокие, обитые железом ворота были черны от старости. Но дерево не рассохлось, а наоборот, словно закаменело. Такие не вдруг выломаешь, их и отворить-то недюжинная сила потребуется.

Путникам открыли после третьего удара. Два крепких молодых парня медленно, с усилием разводили створки. Тамир заметил, как Донатос презрительно дернул уголком рта и сказал одному из привратников:

– Что, Велеш, пока меня не было, небось ничего тяжелее своего... не поднимал?

У Тамира запылали уши. Он и подумать не мог, что мужчина – крефф! – может сказать такую срамоту при трех девках.

Клесх только хмыкнул. А парень, которому было брошено это грубое замечание, сказал учтиво:

– С возвращением, наставник.

Путники неспешно въехали во двор Цитадели.

Лесана разинула рот. Ей, выросшей в деревне, было непонятно, *как* такие стены вообще могли возвести? Это ж какую силу надо иметь, чтобы на самую верхотуру затаскивать огромные булыжники? Это ж сколько камня требуется и где его взять? Невдомек было девчонке, что в окрестном лесу была каменоломня, в которой частенько ломали спины наказанные за проступки выучи.

Поэтому пока ее изумляло все. И высокие башни, и каменный колодец посреди двора, и булыжная мостовая, и даже мощные столбы, врытые вдоль стен. Правда, зачем они нужны, понять не удалось.

А еще по стенам здесь полз бурый лишайник и мох, какой водится в лесу, там, где торчат из земли каменные лбы слоистых валунов.

В Цитадели не было зелени. Ни травинки, ни вьюнка. Здесь все дышало холодом, и каждый негромкий шаг отзывался гулким эхом. Надежный оплот, который не разрушить. Высокие стены, которые не преодолеть. Огромные ворота, которые в одиночку не отворить.

Девушке казалось, будто она попала в какую-то небывальщину. Небывальщину, где не надо бояться Ходящих. Вот дуреха-то, а она еще не хотела ехать! Чего, глупая, боялась? Непонятно. И странница радостно улыбалась, вертя головой направо и налево, однако тяжелый взгляд Клесха несколько охладил восторженный пыл деревенской простушки.

Но все-таки до конца побыть серьезной Лесана не смогла. Соскользнув со своей пегой кобылки, она ступила на мощный двор. Казалось, вот она, сказка! Вот оно, чудо! Даже сердце зашлось.

Но вдруг быстрые тени замелькали над головой и ржавый клетот эхом полетел над Цитаделью. Лесана в ужасе распахнула глаза, и в них отразились парящие кругами черные птицы. Вороны... Предвестники смерти, падальщики. Их хриплый грай упал с неба, рассыпавшись эхом.

Откуда здесь эти мерзкие птицы? И почему их никто не прогонит? Холодный пот заструился меж лопаток. Все знают, где кружит ворон – ходит смерть. Словно издали девушка услышала скрежет опускаемой решетки ворот. На душе отчего-то сразу стало холодно и маотно. Будто захлопнувшиеся ворота навсегда отрезали трех новых насельников Цитадели от привычного мира. Там, за стенами, осталась весна с ее талой водой, первой

пробивающейся из разопревшей земли зеленою, и синим, будто бы подкрашенным лазурью, небом. А тут во дворе вдруг повеяло унылой осенью.

Серая мостовая. Серые, покрытые седым мхом стены и крыши. Даже крохотный пяточок неба, едва виднеющийся из-за шпилей башен, теперь казался бесцветной заплаткой, грозящей в скором времени осыпаться на землю морозящим дождем. И отовсюду вдруг запахло сыростью, стынью и каким-то осязаемым отчаянием, которое словно свило гнезда в древних камнях.

Один из вóронов слетел вниз и, опустившись на крышку колодца, уставился на Лесану блестящими и переливчатыми глазами. Девушка попятилась, привычно стискивая ладонью оберег, подаренный женихом. Неужели вóрон, которого еще называют вестником Ходящих, почуял в ней скорую жертву?

– А ну, пошел отсюда! – крикнула Айлиша и замахнулась на птицу.

Ворон лениво снялся с места, но улетел недалеко, опустился на один из столбов, откуда громко и пронзительно каркнул несколько раз, словно насмехаясь над слабой попыткой его напугать.

– Откуда они здесь? – помертвевшим голосом спросила Лесана.

– Чего ты испугалась? – ободряюще потрепал трусику по плечу Тамир. – Подумаешь, птица.

Но, несмотря на эти слова, он и сам был бледен.

– Хватит языками трепать, – прервал разговор подошедший Клесх.

Позади креффа стоял высокий светловолосый и светлоглазый юноша, облаченный в черную рубаху и черные же штаны.

– Фебр, выдашь им одежду, отведешь к хрычовке нашей, потом в мыльню, затем к целителям, в трапезную, а как поедят, проводишь в крыло для первогодок и поселишь. Быстро давай. Мы и так последние приехали.

Парень коротко кивнул и поманил новоприбывших следом. Торопливо все трое двинулись за ним. Нырнули в тень высокой арки, миновали несколько каменных переходов и по длинным коридорам, освещенным лишь яркими полосками света, падающими в узкие окна, поспешили вглубь Цитадели.

Коридор круто спускался вниз, и скоро оконца заменили чадающие факелы. Айлиша прислушивалась к эху шагов и шепотом недоумевала на ухо Лесане:

– В мыльню-то я еще понимаю, а что за хрычовка и зачем к ней идти?

– Косы стричь, – не поворачивая головы, сухо просветил их провожатый.

– Как стричь? Мы же девки! – задыхнулась от ужаса дочка гончара, а будущая целительница замерла как вкопанная.

– Вы теперь не девки, а послушницы Цитадели. Нет тут ни девок, ни парней, лишь будущие обережники. И волосы им – только помеха, – остановился старший ученик.

– Это что ж, нам еще и в портах ходить, и мыться с вами? – помертвела Лесана.

– В портах – само собой, а мыться... Ну, ежели только захочешь, чтобы спинку потерли, а так – отдельные мыльни, – хохотнул парень и уже строже добавил: – Давайте шевелитесь, а то в первый же день накажут. Быстро поймете, как сопли жевать.

И они снова устремились куда-то вниз.

Скоро коридор вывел их к невысокой двери с железным кольцом. Фебр привычным движением потянул на себя тяжелую створку и втолкнул спутников внутрь, в небольшую каморку с пышущей печью. После промозглых коридоров Цитадели здесь показалось почти

жарко.

Девушки недоуменно оглядывались, когда из темного угла послышался скрипучий голос:

– Никак креффы новых дур привезли! Ну, чего глазами лупаете? Идите сюда. Стоят, зенки вылупили...

Согбенная худая старуха приблизилась к перепуганным девкам, пристально оглядывая каждую слезящимися выцветшими глазами.

– Чего трясетесь? Меня, что ль, старую, испужались? Хороши, ничего не скажешь, при виде бабки беззубой едва не визжат. Ну, чего встали? Сюда идите, дурынды, кому говорю.

Айлиша вместо ответа тихонько заскулила, отступая за спину Лесаны.

– Цыц, курица! Пока я тебе язык вместо волос не оттяпала! – рявкнула старуха и, схватив застывшую целительницу за косу, под самый корень отмахнула девичью красу.

Несчастливая медленно подняла ладони к ставшей неожиданно легкой голове, запустила пальцы в короткие волосы, и тяжелые слезы поползли по ее щекам. Еще несколько взмахов огромных ножней, и Айлиша стала похожа на своего креффа.

– Не дамся! – сжала кулаки Лесана и отступила к стене.

И тут же крепкие руки схватили сзади за плечи и стиснули. Фебр не собирался терпеть чужую дурь. А бабка подскочила к строптивнице и отвесила затрещину. И всего через миг тяжелая русая коса, которую украдкой так любил целовать и гладить Мирута, упала на грязный пол. Потом посыпались и волосы.

– Не дрыгайся, ты, куропатка бешеная, не то в плешинах вся будешь, – приговаривала злобная хрычовка. – Чем короче, тем лучше, в глаза патлы лезть не станут.

Через несколько мгновений хватка рук Фебра на плечах Лесаны ослабла, а старая мучительница, шаркая ногами, смела то, что еще недавно казалось немислимым подстричь хоть на вершок, в огромный совок и повернулась к Тамиру.

– Ну, тебя-то, толстомясый, держать не придется? Аль тоже реветь начнешь? – едко поинтересовалась обитательница каморки, подступая к парню.

Он вздохнул и покорно опустил на низкую скамеечку. Его старуха остригла еще короче, чем девушек. Закончив, бабка собрала волосы и бросила в печь. Туда же полетели и кузовки со скарбом, привезенные из дома.

– Эта дребедень ни к чему вам больше, – заявила старуха в ответ на обиженные возгласы троих новичков. – Цитадель накормит, напоит, оденет, обует и спать уложит. На ваш век хватит. Нурлиса пожила, Нурлиса знает. Все, пшли вон отсюда! Ну? Чего рты раззявили? Надоели, сил нет! – И старуха вытолкала полуживых от страха и унижения девушек за дверь. Парни вышли следом.

– Мне нравится, ты на одуванчик похожа, – ласково утирая текущие по бледным щекам слезы, прошептал захлебывающейся от рыданий Айлише Тамир. Он-то по своим волосам не особенно убивался.

– А я на кого похожа? На сову лупастую? – всхлипнула Лесана.

– Ну на какую сову, скорей на совенка, – улыбнулся юноша.

– Вы сейчас на мертвяков похожими станете, если не поторопитесь! – отвесив утешителю подзатыльник, прикрикнул ненавистный Фебр.

И опять они торопливо зашагали по бесконечным мрачным коридорам.

Скоро обоняние Айлиши уловило запах воды, а потом все тело ощутило подступающую удушливую влажность.

В узкой одевальне было полутемно, там стояли длинные лавки, а в стены были вбиты

деревянные колышки, видать, для одежды.

Фебр подтолкнул сробевших девок и, сунувшись в тяжелый ларь, стоящий у стены, выудил оттуда три холщовых мешка, которые и вручил своим подопечным.

– Там мыльный корень, мочало, холстина, одежда. Помоетесь, переоденетесь, и на выход.

– А зачем пожитки наши отобрали? – робко спросил Тамир, припоминая, что на дне его сумы еще оставались черствые пряники.

– Кто вас знает, чего вы приперли? Нажретесь еще пирогов каких тухлых, лечи вас потом. А одежда тут все равно у всех одинаковая, – скупое пояснил старший выуч и указал парню пальцем на левую дверь: – Тебе туда. Или с девками плескаться собрался?

Тамир мучительно покраснел, прижал к груди выданный мешок и исчез в указанном направлении. А его спутницы принялись торопливо раздеваться.

Мыльня оказалась огромной. Царство воды и эха. Никакого сходства с деревенской баней – просторная каменная зала и два котла по углам, с холодной и нагретой от печи водой. Здесь же громоздились деревянные лохани, лежали на осклизлых полках черпаки, и над всем этим плыл липкий пар.

– У меня в коробе зеркальце было, – намыливая голову, сетовала Лесана.

– А у меня мед, – всхлипнула Айлиша, с ужасом понимая, что разорвалась последняя ниточка, связывающая ее с домом.

– Долго вы еще? – в клубящийся паром зал сунулась голова Фебра.

Ответом стал дружный визг и полетевшие в охальника мочалки.

– Хорош орать, бегом одеваться, – словно не замечая распаренных нагих тел, ровно сказал парень и прикрыл дверь.

Девушки опрометью бросились исполнять приказание. Кое-как промокнули воду жесткими утирками, еле натянули на влажное тело порты да рубахи из небеленого льна и кинулись в коридор. Уши пылали, глаза жгли злые слезы. Лесана так вообще хотела подойти и выбить наглецу зубы. Но вдруг вспомнила, как равнодушно переодевалась по пути в Цитадель Майрико, и задумалась. В крепости словно не помнили заветов прадедов, словно жили по какой-то иной правде, срама не ведая.

– Стыд-то какой! – тихонько стонала Айлиша. – Как в глаза-то теперь ему смотреть, окаянному!

Как, как... Взгреть бы нахала!

Пока девушки мучительно переживали, а Тамир недоумевал, глядя на их пунцовые лица, невозмутимый Фебр шагал себе вперед, ведя их далее.

И снова полутемные сырые коридоры. Снова гулкое эхо, высокие своды и сжимающая сердце тоска. Когда уже стало казаться, что так и придется остаться в подземелье навсегда, загремел засов, заскрипели петли, и все четверо очутились на улице.

Здесь все так же сияло солнце. От ослепительного света глаза пришлось закрыть руками. Казалось, яркие лучи, того и гляди, выжгут очи бесстыдницам, осмелившимся облачиться в мужское и уподобиться парням! Отринет Хранительница от них женскую благодать – усохнут, как деревья бесплодные...

– Это с непривычки так слепит, потом притерпитесь, – тем временем подбодрил своих спутников провожатый. – Давайте, разлепляйте зенки, нам еще к лекарям поспеть надо.

Дорогу к целителям девушки не запомнили, так и шли, стыдливо опустив взгляды. Но вот снова скрипнула дверь, снова потянулись коридоры. Только здесь отовсюду остро пахло травами; терпкий запах, казалось, источали сами каменные стены. Троицу снова разделили.

Тамира увела с собой статная девушка, одетая в такое же платье, что и Фебр, только коричневого цвета. А Лесану и Айлишу провожатый втолкнул в просторную светлую комнату, где за столом сидели и скрипели по пергаменту гусиными перьями двое мужчин. Оба они выглядели явно старше привезшего Лесану Клесха. Один оказался рыжеволосый, а у второго волосы были цвет в цвет с крыльями тех воронов, что кружили над Цитаделью.

– Как зовут? – оторвался от своего занятия темный и поднял голову.

У девушек вытянулись лица. Одной стороны лица у мужчины не было. Рыхлые борозды давно зажившей страшной раны тянулись от правой скулы до виска, будто огромная кошка провезла когтями, выдирая глаз, распахивая кожу.

– Коли налюбовалась, еще раз спрашиваю: как зовут? – указал он пальцем на дочку гончара.

– Лесана, – едва слышно пошептала та.

– Как? Громче говори. Или голос пропал?

– Лесана! – сорвалась на крик девушка.

– Из какого рода и сколько весен?

– Из Острикова рода, семнадцать весен мне.

– Черной лихорадкой болела?

– Нет.

– Девица еще?

Она вспыхнула, как костер.

– Ну, брось, Ихтор, она же деревенская, там с этим строго, блуд на деревне не спрятать.

– Блуд, Руста, где хочешь можно спрятать. Как моя бабка говорила, кого надо, того и на печке отлюбят.

– Когда краски у тебя? На убывающую луну или на растущую? – внезапно спросил рыжий.

«Хранители пресветлые, да что ж это такое? За что? О таком же только с матушкой в темном углу шепотом говорить можно! Мужчинам о женском знать не положено», – пронеслось в голове, а непослушные губы промолвили:

– На растущую.

– Болезные?

– Ничего у меня не болит, только за пару дней поясница ноет. – Лесана с ненавистью посмотрела на своего мучителя.

– Будешь о днях своих говорить креффу. Как только спину заломит и поймешь, что вот-вот краски начнутся, тут же ему скажешь, поняла меня? – В переносицу уткнулся тяжелый взгляд одноглазого.

Сил хватило только кивнуть.

– Ну, а ты кто у нас такая? – спросил Ихтор, поворачиваясь к Айлише.

– Айлиша, из Меденичей, шестнадцать весен мне. И... – Девушка судорожно вздохнула. – И у меня ни разу еще кровь не падала.

От лекарей девушки вышли растоптанные, подавленные, хотя, казалось, куда уж больше? К ним тут же бросился Тамир:

– Вы что такие?

Лесана, полыхая щеками, вымученно улыбнулась.

– Ничего.

– Хворь какую нашли? – не унимался юноша.

– Нет, Тамир, у нас все в порядке, а с рукой у тебя что? – кинув обеспокоенный взгляд на его замотанную в чистую тряпицу правую руку, спросила Айлиша.

– А, это... Так она в детстве поломана была, вот велели каждый день на припарки ходить, – как-то виновато отозвался парень.

– Как же ты тесто-то месил? – охнула будущая целительница.

– Ну, ежели не трудить, вообще бы негодящая была, – криво усмехнулся Тамир, пожалевший, что проговорился о детском недуге.

– Хватит лясы точить, пошли быстро в трапезную! – Фебр, как всегда, не дремал, и снова погнал троицу через двор, куда-то к дальней башне.

Они торопились как могли, но когда легкий ветер донес сладкие запахи еды, припустили гораздо веселее. После первых тревог и волнений есть хотелось так, что аж живот подводило.

Внутри башни новичков перво-наперво встретила просторная комната с рукомойниками.

– Рожи с цапалками умойте, и за столы пойдем, – сказал Фебр, кивая на рукомойники.

Его подопечные наскоро поплескались, а пока вытирали мокрые лица и руки полотенцами, парень нравоучительно произнес:

– Учтите, не знаю, как там у вас, а в Цитадели чистоту блюдут строго. Перед трапезой руки и морды мыть обязательно. Одежу стирать раз в несколько дней. Не дай Хранители, кто из наставников учует, что от вас воняет, или ворот грязный заметит. Сапоги тоже держать в чистоте. У девок еще подмывальня есть, потом покажу. Там же в подмывальне и холстины найдете, ну, на краски ваши.

Лесана и Айлиша снова сделались густо-бордовыми.

– Ладно, хватит уже столбами стоять. Есть идем.

Парень толкнул широкую дверь, и перед его совершенно оробевшими спутниками раскинулся просторный зал со стоящими в ряды столами. За одним из этих столов, наверное, самым длинным, сидели юноши и девушки, одетые в такую же бесцветную одежду, что и вновь прибывшие.

– Садитесь, – кивнул Фебр на свободные места, а сам ушел за соседний стол к своим товарищам в черных облачениях.

Лесана огляделась. В трапезной собралось много народу, но стол, за которым сидели новички, действительно был самым большим. Еще одна странность: все ученики цитадели, и парни, и девки, оказались облачены в одинаковые одежды и одинаковую обувь. Только цвет отличался. У новеньких платье было из небеленого грубого льна, а у тех, кто постарше, черное, как у Фебра, коричневое или темно-серое. Интересно, отчего так?

А еще она увидела, что все выучи и впрямь пострижены коротко-коротко. От этого стало чуть легче на душе, все же одно дело быть белой вороной в стае черных собратьев, а совсем другое, если тебя окружают такие же.

Дочка гончара продолжала озираться, отыскивая взглядами креффов. Не могут же выученики одни сидеть? И правда, возле самого окна стоял пустующий стол, за ним никто не сидел, но ложки, миски и хлеб ждали едоков. Сразу стало ясно – это место наставников. Так оно и оказалось.

Дверь снова открылась, и в зал вошли наставники. Их было около двадцати (девушка не успела точно разглядеть, да и побоялась, как бы не наказали за наглость, чай не коровы, по головам считать), а впереди всех шел мужчина, каких она отродясь не видывала. Высокий,

широкоплечий, прямой, словно высеченный из твердого ясеня. Он казался нестарым, хотя голова была вся седая, и двигался с хищной легкостью дикого зверя. Сколько ему весен, Лесана не взялась бы судить. Может, сорок, может, пятьдесят, а может, и тридцать. У него было чистое, лишенное морщин лицо и колючие прозрачные глаза. И веяло от этого человека такой властностью, что хотелось вжать голову в плечи, а еще лучше – закопаться в стог сена и не высовывать носа.

При появлении наставников старшие выучи повскакивали с мест и застыли, ожидая разрешения сесть. Новички неуклюже и вразнобой последовали их примеру.

Окинув залу пронзительным взглядом, вошедший мужчина дал знак садиться.

Снова загрохотали отодвигаемые лавки, засновали между столов служки, разносящие по трапезной горшки, исходящие паром. Лесана невольно сглотнула голодную слюну и устыдилась собственной прожорливости. Чего только не натерпелась за сегодня, должна бы слезы горькие лить и о еде седмицу не вспоминать, а уже позабыла и про отрезанную косу, и про порты, в которые облачена, и думает только о том, как бы набить брюхо. Но, к счастью, она такая оказалась не одна. Со всех сторон к стопке мисок потянулись руки.

– Прежде чем приметесь за еду, я, Глава Цитадели крефф Нэд, растолкую новообращенным послушникам наши порядки.

Глубокий сильный голос разнесся над головами собравшихся. Разговоры и гул сразу стихли.

– Запомните, среди вас нет больше детей пахарей и купцов. Тех, кто родился в городе или вырос в самой глухой веси. Девочек и парней. – Глава обвел тяжелым взглядом учеников, жадно внимающих каждому его слову. – Вы все теперь послушники. Отныне Цитадель ваш дом. Креффы – ваши отцы и матери. Остальные выученики – ваши соотчичи.

После этих слов новички начали недоуменно переглядываться. Страшно было даже подумать о таком! Все же не извергли их из рода, не изгнали насовсем, лишь отпустили на обучение. Как же теперь – чужие люди ближе родовичей, ближе отца, матери? Да и мыслимое ли дело не делить их на юношей и дев! Но нарастающий гул разбился о резкое:

– В Цитадели нет праздности и безделья. Вас привезли сюда вразумляться наукам. Быть послушником – значит оставаться в послушании у старших все пять весен и зим, которые вы будете в этих стенах. Только тот, кто от первого до последнего дня будет усерден, будет потом опоясан. Иные, если Хранители дадут, позднее станут креффами. Но о том пока не то что говорить, думать рано. И помните, опоясанными не все из вас станут. Слабых духом Цитадель отринет, ибо вестимо, кто не в силах защитить самого себя, тот не в силах сберечь других. А вы должны стать спасением людей от Ходящих в Ночи. Вот почему всяк, кто попустится страхом и жалостью к себе, не выживет.

Новообращенные послушники испуганно охнули, под сводами залы пронесся ропот, а Нэд, пристукнув кулаком по столу, в воцарившейся тишине так же спокойно, как прежде, продолжал:

– Если кто-то сейчас струсил и задумал бежать, так я никого не держу. Ворота Цитадели открыты целый день, а ночью не запирается и калитка в стене – для тех, кого заход солнца застал в пути. Так что уговаривать никого не стану. Только помните, – он обвел всех тяжелым взглядом, – едва отойдете от стен твердыни, обереги да колдовство, что защищают крепость, вам больше не заступники, и беглеца сожрет первый же Ходящий. А через несколько седмиц на обережном столбе у селения позорника появится метка, и всяк узнает, что тут родился трус, предавший своих соотчичей и род. И более ни один Осененный не станет помогать

жителям места, породившего переметчика.

Лесана кусала губы. Знали. Они все это знали. Понимали, что учебы в Цитадели не избежать, но никто не подозревал, как вразумляют здесь послушников. Ну парни ладно, а девки? Как же девки-то слабые? Нешто им, глупым, послабления малейшего не сделают? Она с ужасом огляделась и лишь сейчас заметила то, что не увидела сразу, когда только вошла в трапезную: девушек среди послушников было чуть да маленько.

Скользя взглядом по стриженным головам, она с ужасом понимала – девиц за столами от силы четверть, да и те все в основном новенькие. Среди старших выучеников девушек и вовсе можно было счесть по пальцам. «Хранители пресветлые, как же мы тут?» – пронеслось в голове.

Брошенный украдкой взгляд на сидящих рядом подруг по несчастью напугал еще больше, лицо каждой поражало мертвенной бледностью. Только сейчас глупые поняли – ждет их совсем другая жизнь. Новая. Страшная. А у многих еще и до обидного короткая.

Глава меж тем продолжал:

– Первый год каждый из вас будет стараться показать наставникам, что не зря ест хлеб. К следующей осени новичков ждут первые испытания, которые покажут, кем им выпало стать – воями, что нежить убивают, целителями или колдунами, упокаивающими мертвых. Кто не захочет постигать науку, станет отлынивать, получит на лоб метку отвергнутого, будет изгнан и лишен помощи. Лодырей Цитадели незачем беречь – как сорняки они росли, а помрут, так мир чище станет.

И снова первогодки испуганно загудели, а Нэд, по-прежнему не замечая их ропота, спросил, кто понимает грамоту и письмо. Из всех руки подняли только Тамир, одна девушка – синеглазая и темноволосая, да два одинаковых паренька, видимо, братья. Крефф досадливо покачал головой:

– В этом году негусто. Что ж, остальных будут учить старшие послушники. С осени вас начнут понемногу готовить к тому, что должны знать и уметь будущие обережники. И помните, обо всех своих успехах и промахах рассказывайте ежедневно по вечерней заре креффам. Да не забывайте: наставники вам не мамка с нянькой, жалеть да сопلي вытирать не станут. Они для вас – старшие в роду, и слово их – закон! Если же кто провинится, тому они наказание отмеряют сами, по проступку. Ну и помните: кто креффа во всем будет слушаться – получит пояс, кто перечить и лениться начнет, тот быстро сгинет, и привезут ему в дом грамоту, что по смерти послушника Цитадели его семья освобождается наполовину от податей за обереги. Я закончил, можете есть.

Как ни страшны были слова Главы, но даже они не отбили у парней и девок чувства голода, а уж когда по трапезной поплыл сытный дух наваристых щей, ложки застучали дружно и даже весело.

– У нас по весне на обед только полбу с толокном едят, а тут, смотри, какие куски мяса плавают, – зачерпывая полную ложку похлебки, восхитилась Айлиша.

– А у нас, бывало, и полбу всю подьедали, особенно если лето было холодное, зима после него суровая, а весна затяжная. Еле-еле до первой зелени доживали, ребятишки совсем прозрачные от голода ходили. Мать кинет в чугунок горсточку муки, коры древесной натрет да маленький кусочек сала растопит, вот и вся еда, – жадно вгрызаясь в мясо, пробубнила Лесана. – Зато по весне отьедались – пальчики с елок собирали, орляк...

– А отчего голодно так у вас было? – удивился, поднося ложку ко рту, Тамир.

– Оттого, – ответила Айлиша. – К весне-то все подьедается, ртов в доме много, да и

скотина свое просит. Ей, неразумной, не объяснишь, что поголодать придется, на воде сидючи.

– А отчего же не покупали? – изумился парень.

– Эх, Тамир, сразу видно – ты в городе жил, и то, поди, не знал, с какой стороны к козе подходить. Раз тебя сосед выручит, два, а на третий пошлет, потому как у самого брюхо подводить начнет. Да и не принято в деревне торг друг с другом вести. – Лесана объясняла сыну пекаря истины, знакомые ей с детства, как дитю неразумному. – Мужики наши силки на дичь ставили, только по ранней весне и дичь костлявая, и не сыщешь ее особенно. Ходящие-то тоже есть хотят. А ежели в окрестностях Стая поселится, и вовсе все зверье распугает. К тому же охотники зимой да по ранней весне глубоко в чащу не ходят – дни-то короткие, чуть не поспеешь до темна – самого сожрут.

– Как же вы перебиваетесь? Чем с колдунами расплачиваетесь? – Удивлению собеседника не было пределов.

– Мой отец возит в город горшки да миски. Только мало выручает за товар, траты, почитай, все съедают. Купцу с обозом немало надо отдать, чтобы с собой взял. Один-то не поедешь, до города путь неблизкий – дня четыре через чащу. И вот за обоз заплатишь, обратно ехать – тоже деньги. В итоге, что наторговал, чуть не половину на «копытные» и спустил. Остальное на соль, муку да крупу какую с горохом. Мы-то только на огородах кое-чего растим; посреди болот поле не вспашешь, не засеешь, да и охранное заклятие на поле поставить дорого – нет у нас таких денег. А сажать, чтобы Ходящие вытоптали, кто же станет? Вот и получается, сосед у нас бондарь, другой сосед – кузнец. Все, что за зиму натрудят, к весне везут в город, за дорогу в складчину платят. Что останется от выручки, на то и живем, и подати платим, и обереги покупаем.

После этого длинного рассказа Лесана снова принялась жадно хлебать щи.

– А у меня на деревне пеньку растят да веревки вяют, – поддержала подругу Айлиша. – И все равно не сытно у нас.

– Кстати, а откуда ты грамоту разумеешь? – наконец отодвинув от себя миску, поинтересовалась Лесана у Тамира.

Парень мучительно покраснел.

– Говорил же, хворал часто в детстве...

– И?

– Матушка грамотея приводила. Я же целыми днями дома сидел, то с перхотой, то с жаром, то еще с чем, вот она и нашла мне занятие. Думала, если даже с возрастом не войду в силу, так хоть тем на кусок хлеба зарабатывать смогу, что грамоты или письма какие составлять буду. А счету меня уже отец вразумил. В нашем деле без счета никак, – словно стыдясь, объяснил парень. – Хотите я вас буквам обучу?

– Так нам же наставника дадут, – неуверенно протянула Айлиша, которой было стыдно показываться дура душой перед парнем.

Лесана же, давно приметившая, какие взгляды юноша кидает на подругу, поспешила ему на помощь:

– Конечно, хотим! Сказали же, усердие проявлять надо, вот нас наставник днем учить будет, а ты по вечерам – чтобы лучше все затвердить. – И, не дожидаясь, покуда подружка еще что-нибудь ляпнет, от души пнула ее под столом.

Тамир расплылся в благодарной улыбке.

– Хватит галок ловить! – шикнула Лесана, возвращая парня с небес на землю. – Трескай

давай, вон Глава уже обед заканчивает. Как только ложку отложит, считай, натрапезничались. Негоже после главного в роду миски вычищать.

Айлиша торопливо дожевывала корочку.

– Ешь быстрее!

Тем временем Нэд и правда отложил ложку, встал и направился прочь из трапезной. Следом за ним потянулись остальные креффы и старшие послушники. К новичкам же подошел их давешний провожатый и велел следовать за ним, дескать, покажет покойчики ихние. На выходе Лесану поймал за руку поджидавший у дверей Клесх.

– Все поняла, что тебе лекари сказали?

– Все, – задыхаясь от стыда, прошептала девушка.

– Не забудь прийти ко мне. Фебр скажет, как найти.

Сил у несчастной хватило только на то, чтобы кивнуть. Лишь тогда наставник ее отпустил, и послушница опрометью бросилась догонять друзей.

В этот раз Фебр привел их по длинному извилистому коридору в северное крыло Цитадели.

– Вот тут жить будете, – открыв невысокую дверь, сообщил он.

– Втроем? – распахнув глаза, прошептала Айлиша.

– Четвертую лавку видишь? Нет? Значит, втроем, – усмехнулся проводник.

– Так он же парень! – выдохнула целительница.

– Цыц! Овца кудлатая! Забыла, что Глава говорил? Нет больше парней и девок, есть послушники. А ежели ты еще это своей курячьей головой не поняла, так здесь столб для порки есть да каземат холодный с крысами! – припечатал старший выуч.

– Ты мели, да знай меру! – заслонил спиной испуганную Айлишу Тамир.

– А не то?

– А не то так всыпьем, забудешь, как твоего креффа зовут, – сжала кулаки Лесана.

Парень усмехнулся, подошел вплотную к девушке, взял ее за подбородок и насмешливо фыркнул:

– Нам первогодок трогать нельзя, но, если ты в Цитадели удержишься, еще посмотрим, кто кому всыплет. Поняла, соплюха?

И во взгляде внимательных глаз отразилось столько злого обещания, что пыл Лесаны несколько поугас. Парень был крепкий и, судя по всему, не дурак подрасться, а гнев с девушки уже схлынул, и она испугалась.

Впрочем, Фебр уже отошел и сухо скомандовал:

– Здесь попозже осмотритесь, теперь айда за мной, покажу, где отхожее место и умывальники.

Ведя спутников по длинному коридору, юноша открывал нужные двери.

– Тут уборная. Здесь утром и вечером рожи сполоснуть можно. Тут подмывальня. Поняли, дуры? Холстины вон, на полках, ножни там же. Вода нагретая вот здесь всегда стоит. Ежели не стоит, вниз к Нурлисе сходите, она даст.

– А как же баня? – прошептала Айлиша, оглядывая комнатку с лоханками и узким окном под самым потолком.

– Не баня, а мыльня! Хоть каждый день туда ходи, там и вещи свои постираете, портомоек тут нет.

Вернувшись в их комнатку, старший ученик продолжал:

– В сундуках у вас две смены белья, две пары обор, девкам исподние рубахи, тебе

подштанники, да по холстине – морды вытереть. Пока хватит. Остальное, если доживете, осенью да зимой дадут. Лучины, доски для писания и мел завтра вам принесу.

Закончив вразумлять подопечных, Фебр оставил наконец их одних.

Как только дверь за парнем закрылась, новички стали осматриваться. В комнате было пусто. Зияло черное жерло остывшего вычищенного очага, стояли три широкие лавки, с сундуком в изножье каждой. Возле окна жалась к стене скамья и возвышался большой стол, на котором над миской с водой склонился безыскусный светец. На подоконнике – горка лучин. Больше не было ничего. Девушки кинулись открывать лари. Там и впрямь лежало только то, что говорил Фебр.

– Богато... – вздохнул Тамир.

– Хоть бы зеркальце дали, – всхлипнула Айлиша.

– Ты б в него посмотрелась и еще горше расплакалась, – мрачно отозвалась Лесана.

После этих полных горечи и досады слов все трое переглянулись и... рассмеялись. Успокоившись, стали готовиться ко сну. Тамир сидел на своей скамье, отвернувшись к стене, и слушал, как за его спиной шуршат, переодеваясь в исподние рубахи, девушки. Потом настала их очередь дать парню время сменить порты на подштанники. И вот уже все трое вытянулись на своих лавках. Смятые сенники казались влажными, тонкие одеяла почти не грели, из холодного очага тянуло сквозняком, и до костей продирали озноб. Каменные стены отдавали сырость и холод, жадно поглощая тепло полуголых тел.

– Если тут весной так холодно, что ж зимой-то будет? – простучала зубами со своего ложа Айлиша. – И очаг затеплить дров не дали.

– Зимой-то, поди, дадут, – отозвался Тамир, страстно мечтавший оказаться возле родной, пышущей жаром печи.

– Все! Надоело зябнуть! – Лесана вскочила, приплясывая на студеном полу. – Давайте лавки сдвинем. Сейчас друг к дружке прижмемся, тремя одеялами накроемся, можно еще сверху холстины набросить, которые нам для утирок дали. И вы как хотите, а я портки вздену. Эдак все себе застудишь. Мы ж сюда за наукой, а не хворать приехали. Ну, давайте.

– Лесана, – робко попыталась вразумить девушку подруга, – стыдно это!

– Наш стыд, видать, на себя крефф Нэд взял, раз сказал, что нет меж нами различий.

И все-таки Айлиша нерешительно мялась на своей лавке, однако под уверенным натиском все же сдалась, стала натягивать порты. В полумраке завозился и Тамир. А уже через несколько мгновений, обмирая от ужаса и собственной смелости, юные послушники сдвинули убогие ложа, потеснее прижались друг к другу под тонкими одеялами и, наконец согревшись, задремали. Сквозь зыбкий полусон Тамир чувствовал, как ровно дышит прижавшаяся к нему девушка – теплая, сонная... Казалось, они одни в полумраке Цитадели и над их ровным дыханием плыли только тишина и холод. А потом он заснул.

Уже глубоко за полночь в темный покой заглянули двое. При свете лучины они оглядели открывшееся глазам возмутительное зрелище, и один из вошедших хмыкнул.

– Клесх, как думаешь, выйдет из них толк? – нарушил тишину негромкий женский голос.

– Не знаю, Майрико, какой там будет толк и будет ли, но они единственные, кому хватило ума наплевать на порядки и сделать все для того, чтобы не застыть. Гляди, – он небрежно поднял уголок одеяла, – все, что было в сундуках, напялили.

Собеседница усмехнулась.

– Что ж, может, и будет толк.

Затворив дверь покойчика, креффы направились на верхние ярусы Цитадели.

Они шли в молчании, думая каждый о своем и не слыша призрачного эха шагов, витающего под высокими темными сводами. О чем они думали? О тех далеких днях, когда сами очутились в стенах каменной твердыни – испуганные и жалкие? Вряд ли они помнили те времена. Ведь от полудикого мальчишки, выросшего в рыбацкой лачуге, и от девочки из глухого лесного села не осталось ничего, кроме данных когда-то родителями имен. Былое подернулось зыбкой дымкой. Стало далеким, чужим. Ненастоящим.

По мрачным лестницам крепости, тускло освещенным чадающими факелами, обережники поднялись на самый верхний ярус. Тут было тихо и не так сыро. Здесь жили наставники и Глава Цитадели. Клесх остановился, когда услышал за спиной короткий смешок. Обернулся, вопросительно глядя на спутницу, а она вдруг сказала то, о чем он и сам мельком подумал, идя по стертым от времени ступеням.

– Помнишь, когда тебя только привезли, ты был одет в такие смешные штаны до колен и весь грязный, как будто валялся в угле? Нурлиса сказала, таких, как ты, надо сначала варить с мыльным корнем, а уж потом спрашивать имя. А ты стоял посреди двора, смотрел на Северную башню и кричал с восторгом: «Пооди, с нее плюваться далече можно!» – Она старательно изобразила его просторечное «оканье».

Клесх в ответ кивнул. Он смутно помнил тот день. Ему было всего одиннадцать весен, он никогда не бывал дальше каменистого берега Злого моря и всю дорогу до Цитадели ехал, постоянно сваливаясь с лошади, поскольку впервые в жизни очутился в седле.

Он тогда оказался самым юным послушником крепости. Его привезли сюда таким зеленым, потому что никому не хотелось ждать несколько лет, пока он повзрослеет, и снова тащиться в этакую даль.

Майрико заглянула в холодные серые глаза и переспросила:

– Помнишь?

Он снова кивнул, но целительница покачала головой:

– Не помнишь. Я помню.

Мужчина скупно усмехнулся.

– Потому что я сдернул с тебя ту тряпку, которой у вас принято закрывать девок. И как ты орала при этом от ужаса, помнят все деревни на сто верст вокруг.

На миг лекарка погрустнела:

– У нас лицо девушки может видеть только муж. Сдернув покрывало, ты все равно что чести меня лишил.

– Я тогда этого не знал.

Они стояли друг напротив друга и молчали. Наконец крефф не выдержал и спросил:

– К чему ты все это вспомнила?

Целительница задумчиво провела ладонью по коротким волосам – ото лба к затылку и обратно. Это был такой мужской, такой не подходящий ей жест...

– Клесх, она – девка.

– Надо же. Я и не понял.

Женщина вскинула на него злые глаза.

– Она первая девка среди ратников за много-много лет!

– И что?

– Просто вспомни, какими мы были.

Клесх пожал плечами и устало ответил:

– Я помню. Я постоянно хотел есть. И дрался с теми, кто надо мной смеялся. Но все они были старше. И меня постоянно лупили. А ты рыдала днями напролет из-за своей потерянной занавески, пока тебя не раздели и не высекли.

– Верно, – согласилась она. И вдруг с яростью заговорила: – Поэтому нельзя забывать, что...

– ...что если бы с тобой и со мной этого не сделали, мы вряд ли бы сейчас беседовали. Покойники – те еще молчуны.

Она зло поджала губы, обошла собеседника и направилась дальше по коридору, опережая его на пару шагов.

– Майрико, – окликнул он, по-прежнему не двигаясь.

Она остановилась, но не обернулась.

– Если ты решишь влезть со своей бабской жалостью, будет только хуже.

– Не будет. Я не влезу. – Она толкнула тяжелую темную дверь и вошла в ярко освещенный покой, не дожидаясь своего спутника.

В уютной теплой маленькой зале обстановка была такой же безыскусной, как и везде в Цитадели. Стены из нетесаного камня, широкие лавки, покрытые тканками из грубой некрашеной шерсти, вытертые овечьи шкуры на полу. В углу – простой деревянный стол, а в стенах – кованые светцы, в которых над площадками с водой ярко горели лучины. Очаг полыхал так, что пламя ревело в трубе, посылая по покою волны жара.

Клесх не любил сюда приходить, хоть это и было единственное место во всей крепости, где ощущался хотя бы призрачный уют. Сегодня тут собрались все креффы. Майрико сразу неслышной тенью скользнула к расстеленным на полу овчинам, где устроилась свободно и в одиночестве. Места на лавках почти все оказались заняты – наставники сидели вольготно, наслаждаясь теплом, покоем и отсутствием выучей.

Рядом с Нэдом, неспешно пьющим ароматный взвар из деревянного ковшика, устроился Ихтор. Возле узкого длинного окна, закрытого по случаю непогоды ставнями, расположился Донатос; сидел, словно бы отдельно ото всех, закинув ногу на ногу и прикрыв глаза. Помимо этих троих в комнате находились еще десять мужчин – все значительно старше наставника Лесаны, а иные даже и старше Главы. Клесх поздоровался со всеми и прошел к дальней лавке, где еще оставалось свободное место.

Тяжелый взгляд Нэда скользнул по собравшимся. Похоже, смотритель Цитадели остался недоволен увиденным и неодобрительно покачал головой. Темные брови сошлись на переносице. Мужчина словно искал и не находил кого-то дерзкого, посмевшегося не явиться на вечерю креффов.

В этот самый миг, когда лицо обережника грозило превратиться в застывшую личину порицания, тяжелая дверь распахнулась и на пороге возникла женщина в невзрачном сером одеянии. Высокая, по-девичьи стройная, с коротко стриженными смоляными волосами, в которых тонким инеем мерцали седые пряди. На вид ей можно было дать и тридцать, и шестьдесят весен. И этим она была похожа на главу Цитадели, поскольку, как и он, казалась лишенной возраста. Новоприбывшая шагнула вперед, с грохотом закрыла за собой тяжелую створку. Темные глаза насмешливо оглядели собравшихся.

– Ну что, упыри, насупились? Без старой клячи Бьерги разговор не клеится?

Клесх поднялся на ноги, скрывая невольную улыбку, и с поклоном уступил вошедшей место. Женщина усмехнулась, села и еще раз оглядела всю честную компанию.

– Дона-а-атос, и ты здесь! А я думаю, что это так мертвечиной-то воняет...

С этими словами она выудила из привешенного к поясу кожаного кошелька кисет и трубку.

– И я тебя рад видеть, – промолвил из своего угла колдун.

Ответом ему было фырканье и клуб дыма, выпущенный к потолку. Майрико неодобрительно покачала головой, на что тут же услышала сочувственное:

– Дым мешает? Ты ж моя золотая! Прости старуху за слабость, уж потерпи, сердешная.

– Бьерга, – возвысил голос Нэд, – тут все знают, что язык у тебя без костей, но все же и его попридержать иногда надо.

– А то что? Вырвешь? – усмехнулась женщина. – И кто тогда тебе будет говорить, что ты старый пень?

– Бьерга! – В голосе Главы Цитадели зазвенела сталь. – Не забывайся.

– Прости, Глава, заговариваюсь на старости лет, – в неискреннем раскаянии опустила глаза колдунья.

Нэд устало вздохнул:

– Чего припозднилась? Вежество последнее растеряла?

Собеседница вскинулась и даже отвела руку с трубкой от лица.

– Мне по дороге жальник один попался. Пряма-таки не смогла мимо пройти. Столько там упырей копошилось, любо-дорого поглядеть – молодые, ретивые!

И, сверкнув глазами, Бьерга снова сделала глубокую затяжку.

Нэд обеспокоенно оглядел женщину, но она не выглядела ни раненой, ни даже уставшей. Поэтому, откинувшись спиной к неровной каменной стене, смотритель Цитадели вернулся к делам насущным и вопросительно посмотрел на рыжего целителя, примостившегося на лавке напротив очага. Мужчина, зная, о чем хотят его спросить, поднялся и ответил:

– Я привез двоих. Близнецы. Один точно будет воем, а второй... надеюсь, лекарем. Рано пока говорить.

После него так же вставали и рассказывали о своих поисках другие обережники. И слушая их, смотритель крепости хмурился. Потому что Руста оказался самым удачливым.

Настала очередь Майрико, все это время безмолвно сидевшей на шкурах.

– Я нашла одну. Целительницу, – просто ответила она и, подумав, добавила: – Думаю, со временем она станет креффом.

– Столь сильный Дар? – подался вперед Нэд.

– Да, – последовал твердый ответ. – Дар велик. Поболе моего будет. Да и умения кое-какие у девочки есть, знахарка деревенская ее научила всему, что знала сама.

– Стало быть, через пять весен возрастим нового креффа от целителей, – удовлетворенно сказал Глава.

– Если не сторит или не наблудит, – заметила из своего угла Бьерга.

– Эта не наблудит, – негромко произнес Ихтор. – Слишком застенчива.

– Ой, да сколько их таких было, – отмахнулась от него колдунья. – Ладно, то мелочи. Главное, чтобы выдержки девке хватило. Не все свою судьбу могут принять, – глядя в глаза Майрико, твердо произнесла колдунья.

Крефф целителей кивнула, соглашаясь.

– Клесх, что у тебя? – тем временем повернулся Нэд к наставнику Лесаны.

Тот стоял, прислонившись плечом к стене.

– Девка, из деревенских. Дар есть, но в ход она его пускала всего дважды, да и сама не поняла, что к чему. Выйдет из нее толк или нет, говорить пока рано, – равнодушно

подытожил он.

– Девка? Парней-то что, не было? – подал голос Донатос.

– По силе равных ей – не встретил, – спокойно отозвался Клесх.

Глава перевел взгляд на колдуна. Тот, не поднимаясь, буркнул:

– Один. Парень. На что годен – потом узнаю.

– Бьерга?

– Никого, – отозвалась со вздохом колдунья.

– Второй год порожняком возвращаешься. Умения растеряла? – растянул бескровные губы в усмешке Донатос.

– Так лучше никого на убой не волочь, чем все дерьмо подбирать. Видела я поросю, которого ты привез. Дай Хранители ему до зимы дожить, – от души пожелала Бьерга.

– И все же, почему ты опять ни с чем? – поддержал колдуна Глава.

Женщина устало прикрыла глаза. Несколько мгновений помолчала, а потом встала и, глядя поверх головы Нэда, отчеканила:

– Потому что с каждым годом рождающихся с Даром все меньше и меньше, а какой этот Дар слабенький, ты и так знаешь. Знаешь и то, как дается наука и сколько послушников доживают до пятой весны. А еще знаешь, что вот уже четыре года никто так и не стал креффом. Да, на нас на всех по ушату крови и живых и мертвых, но я не хочу тащить на верную смерть ни на что не годных детей. Получается, мы сеем боль, чтобы пожинать страдания. Это тупик. В Цитадели должны учить, а не убивать!

Нэд, слушая эту гневную речь, ни на миг не изменился в лице и напомнил, едва собеседница смолкла:

– А ты не забыла, сколько стало Ходящих? Не забыла, как растет их сила и кто теперь среди них? А у нас каждый год послушников – кот наплакал. Скоро не деревни, города целые сжирать начнут, и что ты скажешь тем, кто выживет? Что под старость стала жалостлива и милосердна?

– Не скажу, – спокойно отозвалась колдунья. – Бесталанные дураки делу не помогут. Мы теперь самых сильных отбирать должны! Вон, как Майрико нашла. Что за слабость у вас тащить в Цитадель боевое мясо, которое поляжет, едва за стены выйдет без защиты ратоборца!

– И что ты предлагаешь? – вскинулся Ихтор. – Пять лет – и ни одного креффа. Посмотри, Клесх из всех – последний. И самый молодой! Раньше не допускали в креффат таких зеленых, а он начал учить с двадцати весен. Сейчас ему двадцать восемь, то есть по хорошему он должен был бы начать заниматься наставничеством только через семь лет. А он уже выпустил несколько поколений ратников! Нам нужны все, даже те, в ком Дар едва теплится!

– Я не согласен, – подал голос Клесх. – Какой смысл тащить сюда десятки дурней, если их все одно некому учить и если они сгинут без толку и пользы?

Целитель повернулся к обережнику:

– Если их сюда не тащить, очень скоро мы останемся тут в одиночестве. А люди за стенами – без защиты.

– Ладно, будет уже вам. Раскудахтались, спасители мира, – досадливо поморщилась Бьерга. – Что ни говори, Нэд, но надо шевелиться. Если и дальше так пойдет, лет через семь из Цитадели не выйдет ни одного опоясанного, только каменоломни мертвечиной завалим.

Креффы замолчали. Колдунья была права, а с правотой сложно спорить, особенно когда

ты ее признаешь и понимаешь. С каждым годом все меньше удавалось отыскать детей с сильным Даром, как будто прогорел костер той Силы, что питала людские души. Словно захватили остывающее кострище мертвяки и тянули теперь жадные лапищи к тому, что должно принадлежать живым людям.

От слов креффов у Нэда заныло сердце. Прошлый год всего четыре полные тройки вышли из стен Цитадели, да еще пять не самых сильных ратников и два колдуна. Зато новых Гнезд появилось – не сосчитать!

А что самое страшное, есть среди Ходящих такие, о каких если народ узнает, на вилы всех обережников поднимет, что недоглядели и замолчали. И как теперь сказать простому люду то, что креффы даже выученикам до поры не говорят? Как бороться с напастью, которую Осененные сами же и проглядели?

Муторно стало на душе зрителя и совестно, что завтра суровую науку начнут постигать те, кто в былые годы так и остались бы в отчем доме. Но в сотни раз будет хуже, если наставники начнут жалеть послушников. Вот тогда точно некому станет держать в страхе Ходящих. Пусть хоть слабые сражаются, чем совсем под нечисть лечь и обречь людской род на посмертные страдания. А про тайну... про тайну молчать надо. Молчать и думать, как выпутаться. Иначе не миновать смуты.

Коротким взмахом руки Нэд отпустил креффов. Первым не спеша направился прочь наставник Тамира. Он уже поднял руку, чтобы взяться за дверную ручку, когда в спину раздалось:

– Ответь-ка мне, голубь сизокрылый, отчего это почти у стен Цитадели погост поднялся, а? Поведай дуре старой, чему ты своих щеглов учишь, что покойники чуть ли не среди белого дня по дороге разгуливают? Ты им науку-то в головы вкладываешь или только кнутовища о спины ломаешь?

Колдун напрягся, а рука сама собой легла на рукоять ножа, висевшего у пояса. От прикосновения к гладкому теплему дереву гнев слегка отступил, мужчина совладал с собой и сквозь зубы ответил:

– Учю я их всему, что знаю. А что они все мимо ушей пропускают, не моя печаль. Видать, не хотят живыми быть. Поди, среди мертвяков и послушники были?

– Были, друг мой ситный, были. Целых три. Эти самые свеженькие оказались. Так что пойдем, расскажешь мне, какую ты им выучку даешь.

– Пойдем, – зло буркнул Донатос.

– Ничего не забыл? – спросила Бьерга таким голосом, что в уютной теплой зале сразу же похолодало.

– Я прошу указать на мои ошибки, наставник, – сказал крефф, через силу выталкивая слова.

Оттеснив замершего в дверях мужчину, колдунья шагнула вперед и первая вышла в коридор.

Говорят старики: день долог, да век короток. Что за нелепица? Прежде не понимала Лесана этой мудрости, веками сбереженной, хотя и повторяла ее к случаю, как все.

Уразуметь же истину привычных слов ей пришлось здесь, в Цитадели. Дни тут тянулись долго-долго. Каждый казался не короче целой седмицы, а вот – оглянуться не успела – больше года прошло.

Осень. Нет, она еще не наступила, но уже чувствовалась в воздухе последнего летнего месяца. Еще чуть-чуть, и потянутся клиньями в далекие теплые края утки и гуси. Хорошо им, свободным – летят, куда вздумается. И снова их впереди будет ждать лето. А тут небо вот-вот отяжелеет от туч, и на смену месяцу плодóвнику заступит урожа́йник. Славное это время! Сытно, весело, играют свадьбы, устраивают гулянья.

Девушка прикрыла глаза.

Нет, плакать не хотелось. Она уже разучилась лить слезы от тоски. Устала. Теперь просто щемило сердце всякий раз, когда в голову приходили мысли о доме. А еще одно поняла – нет толку реветь по живым. Надо самой как-то обвыкаться и уже не плыть щепочкой по течению, гадая, куда вынесет. Никуда уже не вынесет. Тут ее дом. Какой ни есть. Сырой, холодный, неприветливый, суровый, но надежный, неприступный, хранящий от зла. И иного в четыре года ближних не появится. Значит, надо привыкать. Но получаться начало только-только.

– Одевайся.

Крефф вошел без стука.

– Так я ведь одета. – Лесана оторвалась от пергамента, над которым не то спала, не то мечтала, не то предавалась воспоминаниям, и удивленно посмотрела на наставника.

– Нет. В это.

Клесх бросил на лавку ворох одежды.

Ученица проследила удивленным взором и нерешительно прикоснулась к хрустящей, неношеной ткани.

Черное.

Девушка вскинула глаза на молчаливо стоящего наставника.

– Я – ратоборец?

За год, проведенный в Цитадели, она по-разному представляла себе этот миг. Миг, когда ей наконец-то скажут о сути ее Дара и о том, на кого она будет учиться. Но чтобы вот так, обыденно... Просто «одевайся».

– Какого цвета эта одежда? – спросил обережник.

– Черного... – растерянно проговорила девушка.

– Я так плохо учил тебя, что ты не знаешь, в чем ходят выученики-вои?

Послушница вспыхнула и виновато склонила голову.

– Нет, крефф.

– Тогда почему ты задаешь глупые вопросы?

У Лесаны запылали уши. Вот почему у нее язык быстрее ума? Почему постоянно сначала скажет – потом думает? А ведь Клесх никогда не упускает случая ткнуть ее носом в малейший промах. Хорошо еще, если рядом нет случайных свидетелей. А обычно он не стесняется, и над растяпой смеются в несколько голосов. В такие моменты Лесане всегда

хотелось провалиться сквозь землю. И наставник нарочно не раз припоминал потом ее оплошность, чтобы запомнили все, да тоже при малейшем случае поддевали.

Доброе слово и кошке приятно. Но Клесх не знал добрых слов и всегда бил по больному, а Лесана, глотая злые слезы, из кожи вон лезла, чтобы заслужить – нет, не его одобрение, а просто молчаливое равнодушие.

Впусте!

Однажды, когда их только-только выучили грамоте и все читали, заикаясь и запинаясь, Клесх, слушая разноголосый гул, вдруг обратился из всех выучей именно к Лесане.

– Иди сюда.

Она подошла, предчувствуя беду, и не ошиблась.

– Читай.

Он лениво ткнул пальцем в пергамент.

– Громко.

– Бе...ре...мен...ность у жен...щин лег...че все...го дос...ти...га...ется на че...тыр...над...ца...тый день... с на...ча...ла ре...гул.

От усилия и боязни ударить в грязь лицом у нее на лбу высыпал пот. Лесана, по чести сказать, даже не поняла, что именно прочла.

– Повтори.

Она пошевелила губами, проговаривая фразу еще раз про себя, и залилась жаркой краской стыда. Однако неподчинение приказу креффа наказывается. Поэтому девушка едва слышно произнесла:

– Беременность у женщин легче всего достигается на четырнадцатый день с начала регул.

И уронила взгляд под ноги. В читальне, как назло, были одни парни. Они, конечно, не ржали – при наставнике-то, но вот он уйдет, и вдоволь нагогочутся.

– Какой день у тебя? – спокойно поинтересовался Клесх.

Лесана вскинула на него расширившиеся от унижения и гнева глаза, мысленно произвела подсчет и прошептала:

– Десятый...

– Ты плохо считаешь. Одиннадцатый. Я знаю про твои краски лучше тебя? Или ты мне врешь, когда они заканчиваются? Или по-прежнему туго считаешь?

В глазах девушки дрожали слезы.

– Первое. Счетом заниматься каждый день. Еще раз ошибешься, будешь наказана. Второе. За регулами своими следи тщательнее. Третье...

Он взял со стола ее доску и кусочек мела, быстро начертил что-то на гладкой черной поверхности, а пока писал, говорил:

– Сегодня сосчитаешь, сколько дур в Цитадели, если три дуры в ученицах у Майрико, одна у меня, две у Ольста, по одной у Лашты и Озбры. После этого вычтешь дур из парней и скажешь, насколько их меньше.

Губы несчастной послушницы дрожали.

– Поняла? Вечером придешь с ответом. Ошибешься, будешь седмицу убирать нужник. Ступай.

Надо ли говорить, что нужник девушка чистила две седмицы, а парни с тех пор и в глаза, и за глаза ее иначе как Счетоводом Дур не называли.

Вот только жизнь Лесану ничему не учила, она то и дело попадала впросак, как сегодня,

например.

– Я – ратоборец? – повторила послушница, глядя на наставника снизу вверх, и в глазах ее стоял ужас.

– Да, Лесана. Была бы умнее, давно бы поняла, – ответил он. – Переодевайся.

Она потянулась к жесткой, еще не пахнувшей ее телом одежде.

– Потом пойдешь в южное крыло, в покойчики для обозников.

Девушка опять вскинула глаза на наставника:

– Убирать?

Он направился прочь, но все же у двери, не оборачиваясь, ответил:

– К тебе мать приехала.

И вышел.

Лесана так и осталась сидеть с лежащей на коленях черной рубахой. Мама...

Послушница лихорадочно сдергивала с себя ученическое платье и облачалась в новую одежду. Мама!

Кинулась к сундуку, достала оттуда гребешок и торопливо причесалась, хотя чего уж там чесать. И тут запоздалая мысль прострелила до пяток: как она выйдет к матери без косы и в мужских портах? А если Мирута тоже приехал?

Горячий стыд затопил сердце. Как долго она ждала! В ее первое ученическое лето мать не приехала – стояла самая страда, а потом началась распутица. Зимой же не путешествовали; с купеческим обозом, который охраняет ратник, дорого, одному – опасно.

А вот нынешней осенью вырвалась. И Лесана помчалась прочь из комнатухи, ставшей вдруг тесной.

Мама!

Девушка летела, не разбирая дороги.

– Ишь ты!

Наткнулась на Фебра, как на каменную стену.

– Куда несешься, соплюха? Да тебе одежду новую выдали? Нешто всех дур пересчитала?

– Ко мне мама приехала! – пропела Лесана, повисая на шее у парня.

Никогда бы такого не сделала. Фебр был из старших учеников Клесха, очень похожий на наставника. К тому же он до сих пор помнил, как она год назад обещала его взгреть за насмешку над Айлишей. Но нынче... нынче мир был прекрасен! А молодой ратник так опешил от неожиданного порыва девушки, что не нашел, чего сказать. Она же полетела дальше.

Лесана ворвалась в покойчик для постояльцев, сияя как медная бляха.

– Мама! – И повисла на шее у ахнувшей родительницы.

– Деточка! – только и смогла вымолвить старшая Остриковна. – Да что же это?..

Мать растерянно разглядывала дочь, не узнавая, не понимая... Короткие волосы делали девушку похожей на парня, мягкого тела – как не бывало, грудь, и ту не видать, да еще и в портах... И личико-то совсем худое, едва не с кулачок. А уж вытянулась-то как, на голову выше стала!

Женщина уткнулась в плечо столь изменившегося дитя и заплакала.

Лесана смотрела на трясущиеся плечи, на сползший платок, на непривычно густую седину в волосах и... молчала. Только гладила подрагивающий затылок матери и повторяла:

– Ну что ты, что ты...

А сама глядела на себя материнскими глазами и ужасалась. В Цитадели не было зеркал,

Лесане негде было полюбоваться собой, разве на отражение в воде где-нибудь в мыльне. Но она не любовалась – уставали послушники так, что сил хватало только помыться и добрести до лавки.

Наука давалась с трудом. И если с чтением девушкам помогал Тамир, оказавшийся терпеливым наставником, то со счетом не мог помочь даже он. Айлиша-то все схватывала на лету (да и как не схватишь, когда с такой любовью и лаской учат), а вот Лесане сложение, вычитание давалось с трудом. Она шевелила губами, перебирала пальцы и палочки, лежащие на столе, но постоянно путалась и ошибалась, отчего чувствовала себя безнадежно глупой.

Друзья утешали ее, всячески стараясь помочь, но их забота лишь вызывала в душе прилив невыразимой досады. Стыдно сказать, иногда Лесану брало настоящее зло, что у этих двоих есть... они сами. Она-то одна была. «Любимица» креффа. А потом становилось стыдно. Потому что однажды Тамир сцепился с Фебром, когда тот обозвал Лесану Счетоводом Дур.

Нашел против кого выступить! Но когда Тамир гневался, разум ему, по всему видно, совсем отказывал. Влетело тогда всем. Клесх собственноручно высек своего выученика, что связался с младшим, а как Донатос наказал Тамира, того ни Лесана, ни Айлиша не узнали. Но ночами парень долго и трудно кашлял и дышал сипло.

Айлиша лечила его, когда засыпал, причитая и всхлипывая, а Лесана чувствовала себя последней дрянью, потому что ничем не могла помочь.

После этой стычки прошла седмица, когда девушку неожиданно поманил к себе Клесх. Обычно ничем хорошим подобное не заканчивалось, и Лесана шла к нему, как на заклятие.

– Запомни, цветочек нежный, – привычно негромким и пустым голосом сказал наставник, – за себя надо заступаться самой. Еще раз только узнаю, что из-за тебя парни бока друг другу мяли, голой к столбу привяжу посередь двора. Чтобы видели, за какую красу ненаглядную ратятся. Все поняла?

– Все.

Она с ненавистью смотрела себе под ноги и кусала губы.

– И еще запомни. Когда говорю с тобой – в глаза гляди.

Она испуганно вскинула голову.

– Вот так.

Как она ненавидела его в этот момент! Будь в руках нож – вонзила бы по рукоять! И тут же ужаснулась себе, поняв, что он прочел эти злые мысли в ее взгляде.

Клесх усмехнулся. Это было страшно, когда он усмехался. Изуродованная щека дергалась, и казалось, будто крефф скалится, как хищный зверь.

– ...Доченька?

– А? – Лесана очнулась, поняв, что, обнимая мать, унеслась мыслями далеко-далеко.

– Что ж одежда-то у тебя такая черная? – гнусавым от слез голосом спросила родительница.

– Это... это ратники в такой только ходят, – пробормотала девушка, потупившись от стыда.

– Ратники? – охнула мать, прижав руки к щекам. – Охотники на Ходящих? Деточка, да какой из тебя вой, ты ж крысу видишь – в обморок падаешь, а тебя с нечистью биться наставляют? Да пропадешь ведь!

И она снова залилась слезами, затряслась...

– Что ты, – неловко проговорила дочь, – нас же учат тут. Не пропаду. Мама, а как там...

Мирута?

Старшая Остриковна вскинула на нее виноватые глаза.

– Мирута-то? – переспросила она, словно вдруг стала туга на ухо. – Мирута... А ты, деточка, плюнь на него, дурака этого, он...

– Мама!

Дочь вскочила со скамьи, губы задрожали.

Мать горько выговорила:

– Женился Мирута. О прошлом годе. По осени еще. Жена вот родила недавно.

Лесана тяжело опустила обратно на лавку. По осени...

Она лихорадочно вспоминала зачем-то, а чем занималась по осени сама? Тамир тогда расхворался, и Айлиша тайком водила его к своему креффу лечиться. Парня трясло от лихomanки, но он упрямо заставлял девушек твердить уроки. Лесана читала ему по слогам ученический свиток, а юноша, заходясь кашлем, поправлял ее едва слышным голосом.

За узким окошком и в трубе очага свистел ветер. Было холодно, потому что дрова, которые, не жалея, выдавали им для истопа, хотя и горели жарко, не могли обогреть комнатушку – каменные стены бесследно поглощали тепло огня, и сквозняки дули нещадно. Чтобы в Цитадели стало тепло, требовалось, наверное, жечь очаги круглыми сутками.

Айлиша сидела за столом и твердила названия трав. Лучинка чадила, и слабый огонек бросал неверные тени на тонкое лицо будущей целительницы.

Скучала ли тогда Лесана по Мируте? Стыд сказать – не вспоминала даже. Слишком далеко в прошлом он остался со своими привычными шутками и заботами. Слишком далеко находился тот колодец, у которого они целовались зимой, и куст калины, который прятал их от сторонних глаз.

Но сейчас отчего так больно пронзила сердце его... не измена даже, а непамятливость? У него-то ничего в жизни не изменилось! Как же смог так быстро забыть ту, которую сватать собирался?

Мать, видя, как погасли глаза дочери, торопилась достать из подорожного мешка гостинцы, чтобы хоть как-то скрасить горечь известий.

– Дитяtko, ехать-то как долго к вам! Хотела пирогов напечь, так за шесть-то дней все бы перепортились. И гостинчиком домашним тебя не порадовать! Хранители пресветлые, одни глаза и остались, что ж за наука тут у вас? Вот, я тебе меда привезла. Вот сухарики, как ты любишь, с солью каленой, вот ягоды сушеные, малинка тут, тут черника. Ой, урожай какой в этом году в лесу – страсть! Неoberимо! От дому на версту отойдешь, а кузов уже полнехонек. Я-то их сушу, а у Жмени молодуха догадала в меду топить. Уж мы наделали, я вот и тебе привезла, кушай. Не видишь небось тут ничего...

Мать хлопотала, раскладывая на столе нехитрые гостинцы, а Лесана отрешенно смотрела на домашние горшки, которые помнила еще с детства. Как нелепо и странно выглядели они здесь, под этим кровом, в этих стенах! И как жалко было мать, которая тащила на себе всю эту снедь. Надрывалась, лучшие куски выбирала, а до этого по кочкам лазала, кормила комаров и слепней, чтобы дочку побаловать, а дочка – кобылица – ест от пуза, а за год ни корову ни разу не подоила, ни сена не ворошила, ни по ягоды не вышла. Читать училась да дур считала!

И так горько стало Лесане от осознания того, как многое в ее жизни стало не так, неправильно, иначе, чем у людей заведено. И непонятны будут ни матери, ни отцу ее хлопоты – счет, чтение, изучение трав, зубрежка (пока еще без смысла и понимания)

простых наговоров, позволяющих искать воду, останавливать кровь или нашептывать на замкнутый бережный круг.

Лесана представила, как она возвращается в родную деревню, где девки – косы до колен – в рубахах вышитых, в лентах, про пироги да парней на вечерках щебечут. А она о чем с ними речь поведет? О том, как оборотневу кровь от упыриной отличить? Или как краски подсчитывать, чтобы ребенка прижить с первой попытки... или не прижить?

Мать рассказывала о родне, кто как живет, кто женился, кого засватали, в чьей семье прибавилось ребятишек, кого Хранители прибрали навовсе. Дочь слушала и не слышала. Видела только одно – как сильно постарела родимая, как поседела. Глядела на растрескавшиеся руки, на измятое в пути самое лучшее платье, на усталые глаза. Натерпелась-то, поди, за эти шесть дней. Небось очей не смыкала. Что толку, что при обозе ратоборец едет или колдун, сама-то она помнила, каково это – первый раз в жизни под открытым небом ночь коротать. А уж матери-то в ее годы? А ведь и обратный путь еще предстоит.

Глухие рыдания стиснули горло. Нет. Нельзя плакать.

– Мама! – прервала она поток рассказов и обняла непрерывно что-то говорящую гостью. – Мама, вы, главное, помните, как я всех вас люблю! Я выучусь – вы ни в чем нужды знать не будете. А Мирута... плевать на него. Я себе лучше найду. Ты только не бойся ничего! Поняла? Я выучусь, четыре года всего осталось. И вернусь. Мы с вами так заживем, что Мирута этот все локти до плеч сгрызет. Ты не горюй только. У нас хорошо тут все. И кормят на зависть. А отошала, так это оттого, что нам не только ум трудят, но и тело. Я сейчас быстрее любого парня и по силе не уступлю.

Она говорила, захлебываясь словами, стискивая мать в объятиях, а та глотала беззвучные слезы, украдкой смахивая их с лица. Хранители пресветлые, нашла чем хвалиться – сильнее и быстрее парня... Да провались она пропадом, Цитадель эта!

– Деточка, мне уж ехать надо, обоз-то сегодня назад поворачивает, не ночуем мы. Бережник немалой платы требует, еще на день да ночь его нанимать никаких денег не хватит, сейчас, вон, Вортило прикупит берегов у тутошних, и поедем мы.

У дочери жалко вытянулось лицо. Она была уверена, что мать хотя бы переночует в Цитадели...

Наскоро расцеловавшись, отправились к воротам. Старшая Остриковна по пути все пыталась показать, что совсем успокоилась, задавала какие-то вопросы, да только все невпопад, а глаза влажно блестели. Друг от друга родственниц отвлекла чужая беда.

– Да где же видано такое? – запричитал рядом незнакомый голос. – Третий раз приезжаю! Не острог же здесь! С сыном не увидеться...

Лесана обернулась. Невысокая сухонькая женщина в годах вытирала глаза уголком платка. Рядом с просительницей стоял совершенно равнодушный к ее горю Донатос.

– Все с вашим увальнем в порядке. Жив. Известили бы, коль помер. Нет его в Цитадели нынче. Выученики сиднем не сидят. Они в четырех стенах редко бывают. Езжай, нечего тут рыдать. Не схоронили еще никого.

И, отвернувшись от безутешной матери, крефф ушел.

Лесана смотрела на всхлипывающую женщину и видела что-то смутно знакомое в ее чертах. Россыпь веснушек, темные глаза...

– Вы к Тамиру приехали? – вдруг догадалась девушка.

Женщина встрепенулась:

– К нему!

– Все хорошо у сына вашего, а хотите, я ему весточку передам?

Обрадованная мать часто-часто закивала и протянула девушке подорожную суму с гостинцами.

– Не хворает он? Ему стужаться нельзя, с детства лихоманками мается, я там поддевку вязаную положила...

Она бы еще что-то рассказала, но в этот миг раздалось резкое:

– Но-о-о... Родимья-а-а!

И две женщины, объединенные Цитаделью, как общим горем, заспешили к повозкам. Обоз медленно, словно нехотя, тронулся. Лесана стояла в воротах, не в силах отвести взгляд от сжавшейся в уголке телеги фигуры в дорожной свитке.

Мимо процокала лошадь. Девушка вскинула голову. Ратник. Молодой парень со сломанным носом на миг придержал коня.

– Сопли подбери, не то поскользнемся, – посоветовал он. И добавил, смягчившись: – Довезу. Не впервой.

– Мира в пути.

– Мира.

Но девушка еще долго смотрела в спины уезжающим.

Прижимая к груди Тамировы гостинцы, Лесана развернулась и едва не уткнулась носом в Донатоса. Крефф молча протянул руку, отобрал суму, набитую заботливыми материнскими руками, и сказал:

– Сбрехнешь, что бабу эту видела, друг твой ситный до зимы кровью кашлять будет. Все поняла?

Девушка судорожно кивнула.

Она боялась Донатоса. Боялась до оторопи, до сводящего мышцы ужаса, до животного подскуливания. Лютая жестокость исходила от него, темная, страшная. Клесха Лесана тоже боялась, но его иначе – за едкий нрав, за безжалостность, за насмешки. Однако в ее креффе не было и близко того, что было в Донатосе, – Клесх никогда не забавлялся чужим страхом.

Девушка кинулась прочь. Испуганная, растерянная, разбитая пережитой разлукой и страдающая от того, что вынуждена держать от Тамира в тайне (зачем только?) приезд его матери.

– А, птичка... Обрати в клетку летишь?

Да что же это такое? Караулил он ее, что ли?

Фебр отлепился от стены.

– Чего тебе? – хмуро спросила выученица, а в груди пекло от горечи, смешанной со злобой.

Парень подошел ближе и мягко провел рукой по вороту черной рубахи.

– А ты уже не первогодок... – В этих словах звучало какое-то странное то ли предвкушение, то ли обещание. – Испытание-то прошла?

– Какое? – захлопала глазами послушница.

Не проходила она никаких испытаний. Просто утром пришел Клесх, протянул новое облачение, и все.

Стоящий напротив парень усмехнулся:

– Ладно, не говори. Плевать мне на испытания твои, ну-ка...

И он дернул завязки холщового воротника.

Лесана вспыхнула и отпрыгнула от него, как от осинового гнезда.

– Сдурел, что ли? – прошипела она, сжимая кулаки. – Сам говорил – нет тут парней и девок. Чего еще удумал?

Фебр усмехнулся.

– А я как парень парню хочу рубаху сорвать.

Она в ответ злобно оскалилась:

– Руки поломать не боишься?

Этот Встрешник в ответ только ослабил.

Он был старше. Сильнее. Но в росте они почти сравнялись, однако Лесана забыла обо всем – о его превосходстве над собой, о том, что он дерется гораздо лучше, чем она. Ничего у нее не осталось, кроме девичьей гордости. Косу отмахнули, нарядили в порты, гоняют, как лошадь в бороне, но лапать себя и с грязью смешивать...

«Не дам!»

И такая кипучая злоба поднялась в душе, что Лесана даже удивилась себе. Злиться оказалось легко и... приятно. По телу побежали быстрые токи, кровь заволновалась, рванулась, обжигая жилы.

Фебр шагнул вперед, собираясь взять противницу за шею, но она вместо того, чтобы отпрянуть, подалась навстречу, перехватывая его руки.

Что было после, Лесана помнила смутно. Ее швырнуло на крепкого сильного парня, а потом их обоих поволокло по каменному двору. От удара девушка оглохла и ослепла, но то было к лучшему – не почувствовала боли. Потом все куда-то исчезло, и некая необоримая сила оттащила разъяренную послушницу от обидчика.

Ее встряхнули, поставили на ноги. С глаз медленно сползала мутная пелена. Девушка огляделась. Вокруг столпились выучи, с удивлением глядящие на разбузившуюся девку.

– Охолопись.

Лесана оглянулась и наконец поняла, что за сила стащила ее с Фебра.

Клесх.

Старший послушник тем временем остался лежать ничком посреди мощеного двора. Из ушей у него текла кровь.

– Первое. Испытание свое ты прошла, – сообщил крефф. – Второе. За драку седмицу будешь драить нужники. Тебе все одно не привыкать. Ночевать на эти дни – в каземат. На хлеб и воду. Чтобы навек запомнила: насмерть ратятся только с Ходящими, а не с теми, с кем кров и стол делят. Третье...

Он развернул выученицу к себе.

– Пошла вон. С глаз моих.

Но девушка вырвалась и, хотя подбородок жалко прыгал, спросила звенящим от ярости голосом:

– А ему что?

Клесх вскинул брови.

– Он первый набросился! А я и отмахнуться не смей, коли он жрет со мной в одной трапезной?! И мне, значит, нужники драить, а ему что? Припарки на уши?

Крефф спокойно сообщил:

– А вот это я решу сам.

– Нет!

Мужчина уже развернулся, чтобы уйти, но, услышав это короткое яростное «нет»,

остановился.

– Он так же виноват! Значит, пусть драит нужники вместе со мной!

Наставник не стал утруждаться объяснениями, даже не повернулся, только кивнул двум стоящим рядом послушникам из старших:

– Выпороть.

Лесана не сразу сообразила, что эти слова относятся к ней.

Две пары сильных рук подхватили ослушницу и поволокли к столбам, врытым вдоль крепостных стен. А потом разбуянившуюся и орущую девку привязали к одному из них и высекли так, что драить нужники она смогла еще очень не скоро.

Далеко от Цитадели

В тесной землянке было сыро и полутемно. Только чадила лучинка, освещающая убогое убранство жилища – несколько лавок и очаг, на потрепанной шкуре возле которого играли дети. Трое малышей возились с лыковыми куклами, негромко разговаривая на разные голоса.

Молодая женщина, сидевшая у тускло горящей лучины, сучила пряжу. У нее было бледное осунувшееся лицо и длинные, убранные в две косы волосы.

Хлопнула дверь. От сквозняка застучали, стукнувшись друг о дружку, подвешенные к матице обереги. Старые, деревянные, они давно утратили охранительную силу, и держали их здесь только как память. Память о защите, о спокойной сытой жизни. Пряха вскинула голову. Во взгляде темных глаз застыл испуг.

В землянку спустился мужчина. Он был невысок, но широкоплеч, а одет так же бедно, почти нищенски.

– Собирайтесь, – сказал вошедший.

Обитательница убогого жилища поднялась с лавки, роняя веретено и глядя на мужчину с жалобной обреченностью.

– Опять?

– Надо. Детей одевай.

Женщина снова села и ладонями закрыла лицо. Голос ее из-под пальцев звучал глухо:

– Да когда же это все закончится, Сдевой? Когда? Ребятишки, вон, совсем от голода прозрачные!

– Прозрачные – не мертвые, – жестко обрубил вошедший. – Собирайтесь. Оборотни окрест шалют. Дичь распугали всю. Голодно тут скоро будет. И опасно.

Женщина торопливо зашарила руками под лавкой, доставая берестяной туес.

Мужчина тем временем поднял с полу меньшого мальчика и подхватил тяжелый короб за лямку.

– А Дивен где? – спросила женщина, снимая длинной палкой обереги с матицы.

– Дивен следующим днем нас нагонит. Беги посестру торопи.

Женщина сняла обереги и вдруг обернулась к мужчине.

– Сдевой, устала я... сил нет. Ребятишек, вон, от голода шатают, да и болеют они постоянно. Далеко ли уйдут? Дивен говорил – выкарабкаемся, а ты посмотри...

И она обвела худой рукой склоненные над куклами головки детей. Малыши и впрямь были малы для своего возраста, а под глазами у каждого залегали черные тени.

– У младшей, вон, веснушки аж черными кажутся...

– Дивен сказал – значит выкарабкаемся. А ты терпи. Доля такая. Иной нет.

Она вдруг заплакала, уткнувшись лицом в смятый угол платка, который поспешно

накинула на голову.

Мужчина вздохнул и притянул несчастную к себе.

– Не плачь.

Следом за женщиной заревели и дети. Через несколько мгновений в землянке стоял дружный вой. Сдевой вздохнул, но в этом вздохе не было досады, только безграничная усталость и беспомощность.

– Надо идти, – повторил он. – Надо. Опасно тут. Ступай, торопи посестру. Пусть тоже собираются. Ива...

Она вскинулась, когда он позвал ее по имени, подняла заплаканные глаза.

– Я люблю тебя. Но от оборотней надо уходить.

Ива кивнула. Она знала, что он прав.

Как ни казалась мрачна в своей неприступности и замшелой древности Цитадель, но все же была в ней одна башня, где тяжесть стен не так давила на плечи. В солнечные дни даже блазнилось, что среди зябкой сырости нет-нет да и пробивается сюда жаркое лето. Это была башня, которую называли, как и все в Цитадели, просто – Башня целителей. Здесь обучались те, кто постигал таинство лѣкарства.

Когда Айлиша впервые тут оказалась, ей на миг померещилось, будто она очутилась посреди заливного луга. Как одуряюще здесь пахло травами! Словно на покосе, в поле, когда собирались ворошить сено.

Прикрыв глаза, девушка вдыхала сладкий запах, и казалось, будто вот-вот раздадутся рядом веселые голоса подруг, смех и крики. Жаль, что эти сладкие грезы развеял сердитый окрик Майрико: «Ну, чего встала, как просватанная, я за тебя, что ли, сушеницу перебирать буду?» Ох, сколько она на сию пору этой самой сушеницы, подорожника, мать-и-мачехи, пустырника и чистотела перебрала, не сосчитать.

Однако юная целительница не роптала. Скромной деревенской травнице наука была в радость, потому и давалась легко. Где еще узнала бы она столько тайн и секретов? И по сей день с замиранием сердца вспоминался тот миг, когда в доме старосты крефф признала в ней Дар. Сколько ночей до этого девушка лежала без сна, мечтая, чтобы ее умение лечить скотину не оказалось пустым наитием, какое бывает у обычных знахарок! Как хотела попасть в Цитадель! Сколько вечеров вместо посиделок с подругами провела возле старой Орсаны, слушая лекарку, перенимая от нее вежество. А теперь смешно вспомнить те уроки, которые тогда казались откровением. Теперь-то Айлиша умела и знала столько всего, сколько Орсане и не снилось.

Ради этих знаний выученица Майрико готова была терпеть и разлуку с домом, и суровость своего креффа, и строгое послушание. Все готова была терпеть! Лишь бы раскрыть тайны земли и трав, лишь бы постичь глубину своего Дара. Лишь бы лечить людей.

Давно – три зимы назад – у Айлиши был брат. Старшой. Единственный. Девятнадцать было Люту, когда он вернулся со своей последней охоты с безобразной рваной раной на руке. Волк, который его разодрал, так и скрылся в чаще, унося в боку сломанный нож.

Лют умирал долго, несколько седмиц. Орсана говорила – не волк парня укусил, а оборотень, но то было глупостью, днем Ходящие в Ночи спят и не ищут поживы. Но против страшной раны не помогли ни отвары, ни настои, ни заговоры. Сестра сидела возле ложа брата, гладила того по горячему потному лбу. Лишь в эти мгновенья становилось ему будто бы легче, и взгляд ясел. Но впусте. В жилу парень не пошел.

Отец, отчаявшись, заколол единственного теленка. Горячей чистой кровью животного кропили парня и дом, прося Хранителей отвести злой недуг. Но то ли Хранители не слышали мольбы, то ли теленок показался им слишком тощим, но Лют умер. Лицом он был черен, а изувеченная рука смердела так, как не смердят и трое суток пролежавшие на жаре мертвецы.

Упокаивал брата старый колдун. Вкладывал в искусанные посиневшие уста ясеневый оберег, подвязывал подбородок тряпицей, творил заклинания. Айлиша смотрела на это и об одном только думала: если бы она умела лечить, знала, что нужно делать, Лют был бы жив. А еще поняла с ужасом, обмирая сердцем, – сколько вот таких Лютов хоронят из году в год по

другим деревням и весям? Сколькие жены, матери, дочери заходятся от горьких слез. И помочь им некому. Стало в тот миг девушке горько-горько. И такой гнев разгорелся в груди, что сама себе удивилась.

Оттого-то теперь в Цитадели она столь упрямо училась грамоте, письму и счету. Оттого вставала затемно, раньше своих друзей, и читала старые свитки, царапала писалом по бересте сложные названия незнакомых трав, которые не могла затвердить с первого раза. Потом носила эти записки в холщовом мешочке и, едва выдавалась хоть четверть оборота свободной, перечитывала, шевеля губами.

Но все это не тяготило будущую лекарку. Учиться было интересно. Иным, чтобы запомнить заговор, несколько оборотов требовалось, а ей – только раз услышать. И сборы делала она быстрее прочих, и травы смешивала без подсказок, не ошибаясь, не путаясь.

Оттого и Майрико выделяла ученицу. Раньше всех дала Айлише одеяние целителя и вот уже стала брать с собой на лекарскую делянку, разбитую у подножия башни. Ох, и отличалась эта делянка от той, что обихаживала старая Орсана! Ни одного оберега не нашла здесь Айлиша. Ни одна ладанка не раскачивалась на ветках, отгоняя зло. Даже пчелы не залетали сюда. Однако же, несмотря на все, травы тут росли на диво густо, а цвели буйно, дурманя терпким ароматом. Как же так-то?

Наставница в ответ на это ответила:

– Все в свое время узнаешь. Знания еще четыре года перенимать, ты покуда и сотой части не ведаешь.

Девушка только ахнула про себя – стало быть, наука ее вся впереди? И сердце сладко затрепетало от предвкушения. Скорей бы! До глубокой осени будущая целительница пропадала то на делянке, то в лесу близ Цитадели. Иногда даже казалось, будто сами травы узнают ее, льнут к рукам, ласкаясь. Ни колючий шиповник, ни злая крапива, ни острый осот не чинили ей боли, не оставляли ни царапин, ни волдырей, ни порезов.

В первую зиму своего послушания Айлиша училась делать настойки и целебные взвары. Сколько раз тогда к ней приходили измученный перхотой Тамир или Лесана с безобразными кровоподтеками по телу... Не счесть. И хотя Майрико строго-настрога запрещала выученикам лекарствовать, Айлиша, на свой страх и риск, выносила под рубахой то склянку со снадобьем, то травки для отваров или припарок. И поймана ни разу не была.

А еще крефф учила послушницу творить мази и притирки, от которых волосы становились нежнее шелка, а тело белее ландыша. Умоешь лицо особым настоем, и кожа делается гладкой, чистой, едва не сияет.

Словно в подтверждение этих дум луч скупого осеннего солнца упал на руку девушки, замечтавшейся над охапкой сушеных трав, и юная целительница впервые за долгое время заметила, как изменились ее ладони. Пропали мозоли и трещинки, не стало цыпок, с детства привычных и уже вьевшихся в кожу, а сами огрубевшие от деревенской работы длани сделались мягкими, нежными, словно никогда не знали тяжкого труда – не держали ни мотыги, ни серпа, ни вил. Как эта рука отличается от руки Лесаны! У той костяшки пальцев вечно сбиты, а от запястья до плеч вся кожа черна от синяков. Иной раз синяки темнеют даже на скулах. Про Тамира и говорить-то боязно.

Частенько, кидая вороватые взгляды на парня, когда тот снимал рубаху, Айлиша видела на его спине следы кнута. Но он ни словом не жаловался на наставника и никогда не просил облегчить боль.

А сколько раз лекарка слышала, как по ночам Лесана украдкой всхлипывала, спрятав

лицо в тощей подушке! Отчего она плакала? Девушка стеснялась спрашивать, раз не рассказывает, значит, не хочет. Как тут подступишься? Оно ведь и так понятно – нелегко ей одной среди парней. Да и Клесх зол в учении, у него всякая вина виновата, спуску не дает. Не оттого ли стала подруга молчаливой, угрюмой, и взгляд по временам такой колючий...

От этих мыслей больно екнуло сердце. Целительница забыла про травы и уставилась в пустоту. Как же она, глупая, до сего дня не замечала, сколь сильно ее жизнь отличается от жизни друзей? Ведь наставница ни разу не то что не ударила, слова худого не сказала ей с тех пор, как учить начала!

Девушка закрыла лицо ладонями и замерла. Вдруг сделалось невыносимо стыдно перед Тамиром и Лесаной. Почему? Вроде бы не было ни в чем ее вины. Но сердце не обманешь. Вины, хоть и нет, но ведь и заслуги тоже. А ну как попади она в обучение к такому, как Клесх? Смогла бы молча терпеть?

Айлиша выглянула в узкое окно, надеясь, что тепло солнца разгонит мрачные мысли. Нет. Вместо этого она увидела, как внизу во дворе к столбу для наказаний привязывают нескладного парня, одетого в серое платье. Из колдунов. Знать, опять или Лашта, или Донатос лютуют. Сейчас пороть будут, как пару седмиц назад Лесану.

До сих пор целительница помнила безжалостный свист кнута, вспухающие борозды на белой спине и то, как извивалось полунагое тело... А потом ночью юная лекарка, борясь со слезами, выхаживала подругу. К целителям идти Клесх запретил. Сказал, так лучше запомнится. Куда уж там! В голос бы кричала, не догадайся Тамир ей в зубы сложенную вчетверо холстину сунуть, да и ту едва не прогрызла.

Как кляла жесткосердного креффа Айлиша, что запретил Даром снять боль! Но все равно не удержалась. Легко, не касаясь изувеченной кожи, провела руками, рассылая по телу несчастной подруги не целительство – сон. А потом они всю ночь провели с Тамиром, не сомкнув глаз, меняя на воспаленной спине холстины с отварами.

Так почему же девушка все это забывала, едва оказывалась в башне среди трав и настоек? Муторно от этих мыслей стало на душе. Даже горечь во рту разлилась, будто полыни съела. Лекарка встрепенулась. Разогнать черную тоску можно только работой. И снова руки проворно запорхали над ворохом трав, раскладывая их по холщовым мешочкам. Скорей бы доделать уже, вернуться в родную каморку и нынче же спросить друзей, отчего те никогда не рассказывают, как идет их учеба, а только слушают ее болтовню?

Вот и все. Можно уходить. Айлиша смахнула со стола сор и заторопилась вон из башни. Сегодня тут, вопреки обыкновению, задерживаться не хотелось. Хлопнула за спиной тяжелая дверь, а послушница уже мчалась прочь, подгоняемая беспокойными мыслями, поселившимися в голове.

После яркой солнечной комнаты на узкой лестнице оказалось неожиданно темно. Девушка осторожно спускалась, скользя рукой вдоль стены, чтобы не потерять опору, а ножкой нащупывая ступеньку перед собой – мало ли кто чего по дурости оставить мог. Прошлый раз, вон, какой-то чудодей ведро забыл, эх, и летела тогда она! Хорошо хоть каким-то чудом зацепилась за факельное кольцо в стене. А ведро еще долго громыхало, покуда не разбилось где-то в самом низу.

Пока целительница вспоминала злосчастное ведро и ждала, когда глаза наконец-то обвыкнутся в темноте, ее выставленная вперед ладонь наткнулась на неожиданную преграду. Девушка пискнула, едва не потеряла равновесие, но тут же две сильных руки стиснули стан, удержали на месте.

– Спасибо, что в глаз не ткнула, – отозвалась темнота мужским голосом, и у Айлиши обмерло сердце.

Ихтор! Обезображенный целитель, который расспрашивал их с Лесаной по приезде в Цитадель. Век бы его не видать. И ведь не встречались все эти месяцы почти, а тут – на тебе! – угораздило.

– Ой, – девушка испуганно отдернула руку, – прости...

Но мужчина, вопреки чаяниям, ее не отпустил.

– Прощаю, – усмехнулся он. – Куда торопишься, что и светец не взяла?

– Забыла, – прошептала несчастная, проговаривая про себя обережную молитву.

Она и вправду постоянно забывала светец. Ленилась разжигать его, а потом нести с собой. Факелы же в башне летом не жгли, а узких окон на лестнице было всего два, и те наверху.

– А дрожишь чего? – поинтересовался обережник.

Выученицу бросило в жар. Глаза наконец-то пообвыклись с темнотой, которая теперь сделалась всего лишь серым полумраком. И в этом полумраке обезображенное лицо собеседника казалось уродливой личиной.

– Замерзла. – Девушка уставилась в пол, про себя моля Хранителей, чтобы этот Встрешник ее, наконец, отпустил.

Впусте! Крефф схватил послушницу за подбородок, вынуждая смотреть на себя.

– Кровь первая упала у тебя? – спросил он, сверля девушку пронзительным взглядом единственного глаза.

Айлиша порадовалась, что полумрак скрывает ее запыхавшие щеки. Мужчина стоял лишь на пару ступенек ниже, в росте они сейчас были равны, и его обезображенное лицо оказалось так близко, что хотелось зажмуриться от отвращения.

Сердце колотилось бешено. Почему он ее не отпускает?

Целитель смотрел задумчиво и не спешил убирать руку от лица лекарки. Выученица шумно сглотнула, надеясь, что крефф не заметит ее смятения. Ихтор же думал о чем-то своем. Вот медленно провел по нижней губе девушки большим пальцем...

– Что молчишь? Боишься меня, что ли?

От его спокойного ровного голоса, а самое главное, от страха перед прямым вопросом, на который следовало дать ответ, у юной целительницы подкосились ноги.

– Не было у меня еще красок, – выдохнула она. – И не боюсь я, просто... просто спешу. Крефф ждет.

Ее брови изломились, а в носу защипало, потому что к горлу подступили слезы. Сейчас догадается, что наглядка врет, и прикажет выпороть.

Однако Ихтор улыбнулся с какой-то неуловимой грустью и одновременно насмешкой над самим собой и сказал негромко:

– Ну, беги, раз ждет. Только под ноги гляди, а то мало ли, кого еще нащупаешь по дороге.

Пользуясь дозволением, Айлиша, не чуя под собой ног, припустила вниз. Только ее и видели.

А если бы у глупой перепуганной девки в этот миг хватило умишка оглянуться назад, то даже в полумраке она увидела бы, с какой затаенной нежностью смотрел крефф ей вслед, проводя пальцем теперь уже по своим губам, словно завершая поцелуй, который между ним и юной выученицей так и не случился.

Захлопнув за собой дверь в каморку, девушка без сил привалилась спиной к тяжелой створке. Уняв бешено колотящееся сердце, она упала на колени рядом с сундуком и рывком подняла крышку. Весь нехитрый скарб полетел на пол. Найдя, наконец, утирочную холстину, Айлиша побежала в мыльню. Там долго с остервенением терлась лыковым мочалом, пытаясь отскоблить с нежной кожи невидимую, но столь остро осязаемую грязь, оставшуюся от прикосновений одноглазого мучителя. Тело горело, но все равно казалось липким, измаранным, сколько не переводи на него мыльного корня да горячей воды. Стоя в клубах пара, девушка и не заметила, как в мыльню заглянула Нурлиса.

– Ты чего это, дурища, удумала – посереде дня в лоханке плескаться? – Сварливая бабка глядела сурово.

– Запачкалась, – неловко прикрываясь растрепанным лыком, прошептала лекарка.

– Кто ж тебя запачкал-то? – пробубнила старуха и, не обращая внимания на купальщицу, принялась наводить в мыльне порядок: выстраивать в стопки лохани, возить мокрой тряпкой по осклизлым полкам.

– Никто, – упрямо вздернула подбородок выученица.

– Мне-то не ври, по глазам вижу, что обидели. Давай говори, кто облапил, не то Майрико приведу, чтобы видела, как ты от урока отлыниваешь.

– Урок я весь справила. Зови, ежели хочешь, – упрямо ответила Айлиша и отвернулась от назойливой карги.

– Ссильничали? – Старая ведьма развернула ее к себе и быстро предположила: – Али дите прижила?

– Ты что мелешь-то! Хранителей побойся! – вырвалась девка. – Всего-то про женское спросил. Только он мне и даром не нужен!

– Кто спросил? – Айлиша спиной чувствовала пристальный взгляд жадной до сплетен бабки. Вот только не заметила, как старая сжала кулаки, а желтые ногти впились в морщинистые ладони.

– Целитель. Ихгор.

Нурлиса облегченно выдохнула и напустилась на выученицу:

– Дура, как есть дура! Хороший мужик он, что ж ты, коза безрогая, морду воротишь? А?

– Не нужен он мне – старый да страшный! – топнула босой ногой девушка.

Ну не говорить же этой желчной Нурлисе, что сердце давно занято и живет в нем другой. Тот, кто давно поселился в беспокойных снах, тот, кто кажется лучшим на свете... Вот только признаться в этом не то что ворчливой бабке страшно, но и самой себе.

– Вот и хватит тут воду лить! Развела лужи. И сама вся уже опухла. Жабры, того гляди, вырастут или икру метать начнешь. Иди отсюда подобру, – недовольно забубнила старуха и с удвоенной яростью загромычала лоханками.

Так и пришлось Айлише торопливо покидать мыльню и хорониться в ученическом покойчике, куда Нурлиса попасть не могла.

Раздирая кудрявые волосы щербатым гребешком, девушка думала о том, что за минувший год так и не обвыклаась в Цитадели. Она все пыталась понять – отчего? А потом вдруг уразумела. От страха. Она боялась. Боялась креффов, боялась старших выучеников, боялась незаслуженного наказания, боялась... уж и сама не знала, чего именно. Но страх стал постоянным спутником.

Да и жили тут хуже, чем зверье дикое в чаще дремучей: без правды, что деда заповедали, без песен и праздников, без веселых посиделок и гуляний. Все здесь были будто

голые, все на виду и все при деле. Некогда выученикам было ни шкодить, ни миловаться – ходили, как тени, не поднимая глаз, каждый в своей скорлупе, каждый со своим грузом на душе, облегчить который никто не помогал.

И даже на заветной полянке, где так любила бывать юная целительница, не рос цветок какой простой. А ежели пробивался, так сразу выдергивали за бесполезностью. Ни разу за минувший год не взяла Айлиша в руки нитки или прялку, не склонилась над ткацким станом, не вязала, не вышивала, не плела кос, на вздевала на шею расписных глиняных бусин, не гуляла в лесу. Весна поменялась с летом, лето с осенью, осень с зимой, а та – снова с весной... А теперь вот заканчивалось второе лето в Цитадели, но девушка из рода Меденичей только и заметила, что целый год ее жизни прошел стороной.

Ни денечка не было, чтобы она не училась, усердно склоняясь над свитком или перебирая травы, твердя заговоры или собирая настойки. И друзья ее также всяк свое послушание несли. Прежде пышущая женской статью Лесана сделалась похожей на тощего парня – вытянулась в росте, а жилы на некогда мягком теле теперь переплетались, как ремни. Даже вечно краснеющий Тамир рдел теперь все реже, был уже не так многословен и любопытен, а иной раз, нет-нет да отпускал крепкое словцо из тех, от которых ранее едва без памяти не падал.

Гребень замер в руке. Айлиша застыла, глядя в пустоту. Как же так она жила, что не видела, как меняются друзья, превращаясь в тех, о ком говорил крефф Нэд – в выучеников? И правда ведь, пройдет год-два, и не станет девок Айлиши и Лесаны, не станет парня Тамира. Вместо них на свет появятся обережники. Неужто и их глаза будут такими же пустыми, как у креффа Клесха? Неужто они станут такими же злыми, как крефф Донатос, и такими же равнодушными, как крефф Майрико? Неужто, неужто, неужто?..

Да разве возможна иная для них судьба, если все, от чего сердце и душа радуются, в Цитадели под запретом? Что плохого будет, если на праздник Первого снега послушникам разрешат построить крепость и зашвырять друг дружку снежками? Чем осквернится их Дар, если девки станут носить косы или хотя бы изредка надевать расшитые рубахи? Разве правильно это – вместо того, чтобы сватов засылать, парню девку о тайном спрашивать? И почто тут порют так, что на всю жизнь спины в отметилах остаются?

И тут же подлая мыслишка червяком зашевелилась в голове: «Хвала Хранителям, что на целителя выпало учиться, что не заставляют от рассвета до заката через бревна да камни скакать, прыгать, драться и мечом размахивать. Что не рассказывают изо дня в день про мертвяков да иных Ходящих!» Но едва эта мысль промелькнула в голове, как жгучий стыд затопил душу. Нашла, чему радоваться, – тому, что друзьям гаже!

Но ведь не виновата она, что Дар у нее именно к лекарскому делу! Да еще теплится в душе надежда, что и у Тамира – такой же. Ведь по сей день не вручили ему цветной одежды, так и ходит как первогодок. Может, сегодня крефф Донатос расщедритя и наконец скажет парню, какое у того назначение? Со многими так бывало.

Первый год уроки у всех часто общие. Иной раз Майрико хвалит Тамира, когда он быстро запоминает наговоры или варит мази. Хвалят и Лесану. А вот Айлишу другие креффы ругают. На уроках у Донатоса она от жути обмирает, слушая про упырей или оборотней. А на уроках креффа Клесха и вовсе едва управляется, хоть на ногу быстра и телом вынослива, с палкой или мечом деревянным – чисто кобылица. То сама себе в лоб заедет, то споткнется на ровном месте.

За тревожными путаными мыслями девушка не заметила, как за окном начали сгущаться

сумерки. Лекарка зажгла лучину и села на лавку поджидать друзей. Ночь... Лишь сейчас послушница попривыкла малость, что в Цитадели с наступлением темноты не обязательно закрывать ставни. Это тебе не в родной деревне, где и на дверях, и на окнах засовы железные. Ночь страшна. Ночь разлучает. Ночь приносит отчаяние.

Юная целительница закрыла глаза и тихо-тихо, словно боясь нарушить величественное молчание древней крепости, запела песню, которую часто пела с другими девушками, когда садились чесать кудель или прясть.

Лес шумит вековой за околицей села.
Ой, прядись, моя нить, поровней, поровней.
Я тебя, милый друг, всё из леса ждала.
А мое веретено только кружится быстреей.
Вот и вечер уже, солнце скрылось за горой.
Ой, прядись, моя нить, поровней, поровней.
Лишь тревога на сердце, потеряла я покой.
А мое веретено только кружится быстреей.
Ночь пришла на порог, да от друга нет вестей.
Ой, прядись, моя нить, поровней, поровней.
Ночь любимого взяла. Мне не быть уже твоей.
А мое веретено только кружится быстреей.
Жаль, что ночью за порог не ступить, не шагнуть.
Как мне жить без тебя? Оборвется моя нить.
Только ночь попросить о тебе хотя б шепнуть.
Да мое веретено сломано – не починить.

И грезилось девушке, будто мелькает в ее руках веретено, в печи потрескивают поленья, а отец с братьями при свете лучины сучат пеньковые веревки...

Тамир поднимался из подвалов Цитадели в верхние коридоры. Голова гудела, а от виска к виску летало глухое и гулкое: «Тук! Тук! Тук!» Боль пульсировала, давила на глаза, отзывалась в затылке. И так было всякий раз. После каждого урока. Словно наука колдовства тянула из парня жизненную силу, даря взамен лишь головокружение и тошноту.

Позади остались обороты учения, принесшие, помимо нынешних страданий, знания о том, как упокаивать вставшего на третий день младенца.

А впереди еще ждала встреча с креффом Лесаны, предвещающая метание ножа в цель, и урок с наставницей Айлиши, грозившейся сегодня спросить, в каком месяце волчьи ягоды пригодны для лекарственных целей, а в каком на них заговор на смерть делают.

Интересно, а сама Айлиша знает, что лекари не только исцелять могут, но и жизнь отнимать? Эта мысль, некстати пришедшая в большую голову, ужаснула юношу. Он просто не мог представить любимую творящей черное колдовство.

Любимая... слово-то какое теплое. Родное. Произносишь его про себя, и кажется, будто руки материнские обнимают, а в плечах сразу такая сила угадывается, словно можешь небо с землей сровнять, лишь бы та, что заставляет сладко замирать сердце, оставалась рядом. Только как побороть удушающую робость, как сказать самой красивой на свете девушке, что

давно ее любишь? Едва увидел первый раз – застенчивую, робкую, с тенью от опущенных ресниц на щеках, – так и потерял покой. И лишь она, ее улыбка, ее голос заставляют стискивать зубы, не давать воли постыдному страху перед Цитаделью, перед Ходящими, перед наставником. Помогают терпеть и отыскивать в душе такие силы, о каких и не подозревал никогда недавний рохля, заласканный маменькин сынок.

Как Тамиру хотелось просто побыть с Айлишей наедине! Не здесь, не среди этих нагромождений камня, а где-то там, где тихо, спокойно и не надо опасаться появления кого-то из креффов или старших выучеников. Хоть на один оборот вырваться из стен, что держат их хуже, чем острог! Сколько раз он пытался найти по углам вытоптанного двора хоть малый цветок, хоть куриную слепоту, хоть сурепку, хоть чистотел, чтобы порадовать девушку. Впусте.

Но зимой, в разгар месяца студеника, когда выпал запоздалый снег, Тамир не утерпел, потащил девок во двор, за конюшни, где не могли их заметить наставники и старшие послушники. Ох и накидались они снежками! Пока кто-то «заботливый» не донес креффу, что подопечный его, вместо урока, в снегу катается с девками. Кто это был? Теперь-то уж что гадать...

Досталось тогда Тамиру – надолго запомнит. Донатос сам его выдрал. А потом отвязал и приказал босиком, в одних портах, дважды обежать снаружи всю Цитадель. Когда ученик вернулся, истерзанная спина уже схватилась коркой кровавого льда, а в груди свистело. Однако едва наказанный вошел в ворота, крефф, ожидавший его появления, поинтересовался, усвоил ли дурень урок.

Парень на ногах-то уже держался из одного упрямства. И из того же упрямства, едва справляясь с дыханием, ответил, что не понимает, чем забава зимняя так зловредна, что наставник шкуру спустить с него готов.

Зло сплюнув себе под ноги, крефф отвесил выученику обидную оплеуху и ответил:
– У обережника нет слабостей. Слабости смертельны. Потому не будет у тебя в жизни ни праздников, ни гулянок, а только долг перед людьми, который надо исполнить, потому что больше исполнять его некому. Между мертвыми и живыми только мы стоим. Так что станешь ты мертвяков отчитывать, пока другие баб на сеновалах тискают. А еще раз увижу, что вместо урока дурью маешься, при девках оголю и пороть буду уже по заднице. Поглядим, как тебе после этого с ними захочется время терять.

От этих слов у Тамира на душе стало так погано, что захотелось сбежать из ученичества куда угодно, хоть в Гнездо к Ходящим. Не ждал он для себя такой жизни – без радости и веселья. Да и разве жизнь это – каждый день упокаивать мертвых, ножи метать, мази нашептывать да обновлять обереги? Не верилось парню, что нет у колдунов ни дня радости. Да и кому захочется бобылем бесприютным топтать дороги? У каждого человека должен быть дом, где его ждут. По дурости он брякнул это и своему наставнику.

Донатос рассмеялся. Впервые – искренне. Потом покачал головой и сказал, что не бывает у Осененных семей. Не позволено им и домов иметь, потому как оседлый обережник – не воин, не колдун, не целитель. Семья для него будет дороже чужих треб, а паче того – приманка для Ходящих.

После этого крефф ушел, оставив ученика заходиться кашлем на морозе. На счастье Тамира, пока он надсадно перхал на весь двор, откуда-то со стороны дровяника появилась Нурлиса.

Старая шла, переваливаясь на кривых ногах, тащила с собой порожнее ведро и на чем

свет костерил лютую стужу. Завидев шатающегося под ветром полуголого парня, бабка напустилась на него, потрясая сухим кулаком:

– Совсем вы все тут очумели, оглоеды клятые! В одних портках по морозу бегать? Ах вы, захребетники неблагодарные! Как щи хлебать да мясо жрать – вы тут как тут, а как уму-разуму набираться, так нет вас! Уже и голыми по снегу кататься готовы, лишь бы хворать, а не учиться. У-у-у! А ну, пошел! Я тебя быстро к Майрико сведу, завтра уже будешь опять за свитками своими горбиться. Ишь, чего удумал!

И, подгоняя парня пустым ведром, сварливая бабка погнала его в Башню целителей. Тамир брел, отстраненно слушая брюзжание карги, но в душе был несказанно ей благодарен. Донатос, конечно, не запрещал ему идти к целителям, вот только и разрешения ведь не давал. А теперь, даже если и взъестся, всегда можно сказать, что к лекарям его отправила Нурлиса.

С вздорной бабкой не связывались даже креффы. Она жила при Цитадели так давно, что стала уже неотъемлемой ее частью, как брехливый деревенский пес, про которого никто не знает, сколько ему лет и откуда он взялся.

Нурлиса безраздельно властвовала в казематах крепости, где делала разную грязную работу и следила за мыльнями. Но иногда она, как сегодня, выбиралась на божий свет, чтобы по пути откостерить кого-нибудь из первых встречных. И кем этот встречный окажется, ей было наплевать.

Говаривали, будто один раз даже Нэду перепало. И ничего, смиренно выслушал и дальше пошел. Ибо каждый знал: встретить старуху для ушей не к добру, наслушаешься про себя... Но и отмахнуться от вредной нельзя – будет следом идти и брехать, пока не осипнет. Так что даже креффы старались отмалчиваться.

Однако ныне бабка появилась как нельзя к сроку.

Позже Тамир пытался вспомнить, как брел к Башне целителей, но не смог. Боль, усталость, озноб, страшное откровение относительно собственной будущности сделали свое дело. Все перепуталось, смешалось, стало каким-то смазанным, смутным. На входе он, видимо, споткнулся, упал и подняться уже не смог, потому что ноги не держали.

Кто-то сильный тащил его вверх по лестнице, а сзади бубнила старуха, рассказывая этому кому-то, какой он «дурень малахольный, еле ноги переставляет, и что же они тут все над ней вздумали изгаляться, заставляют ходить туда-сюда, как молодую, лоси сохатые»...

Едва не оборот выхаживал ученика Донатоса одноглазый крефф. Тамир не знал его имени, но из слов бабки понял, что зовут целителя Ихтор. Правда, Нурлиса не преминула упомянуть, что он «беззаконнорожденный кровосос, произведенный на свет упырихой, коновал и бестолочь». Но именно Ихтор, беззлобно посмеивающийся над брюзжанием бабки, избавил Тамира от лихорадки и поправил иссеченную спину.

Много, очень много раз за ту долгую студеную зиму приходилось Тамиру туго, и еще не раз случалось ему быть поротым. Донатос спуску не давал, чего уж там. Случалось, после этого лечили его истерзанную спину, как умели, Айлиша с Лесаной, меняя тряпицы с отварами да обмазывая вонючими притирками.

А ведь потом еще отказывались, глупые, от его помощи в грамоте и счете! Смешные. Не понимали, что он только рад был отплатить им этакой малостью за доброту. Да, эти девушки стали для него самыми близкими людьми в Цитадели. Вот только одну юноша любил как сестру, а вторую... Вторую хотел зацеловать всю – от бровей, похожих на крылья ласточки, до пальцев маленьких ног, которые, он знал, вечно зябли.

Невыносимо горько было Тамиру видеть, как надрывалась в учении у Клесха Лесана. Ни единого доброго слова не говорил ей наставник, иначе как дурищей не звал, а уроки такие давал, что и парню не стыдно было бы пощады запросить. Мыслимое ли дело, чтобы девка в любую погоду по ратному двору бегала да прыгала, как коза, через ямы, утыканные острыми кольями, или ножи метала, или в рукопашной с другими выучами по земле каталась?

Грешно говорить, но радовался тогда Тамир, что его-то голубку ненаглядную наставница так не мучает. Не грубеют руки от меча, не проваливаются глаза от усталости. Да и наука девушке только в радость была – сияла она, как росинка на солнце.

Стыдно вспомнить, но ведь ночь, когда он и Айлиша сидели, не смыкая глаз, над высеченной Лесаной, стала для юноши самой счастливой. Потому что провели они эту ночь только вдвоем, разговаривая, чтобы не уснуть, подбадривая друг друга, меняя тряпицы с припарками. И, казалось, не было в этом мире никого, кроме их двоих да резких порывов ветра за окном. Вспоминать об этом было стыдно. Потому что не должна чужая боль приносить радости, но... так уж получилось. Оттого глодала совесть, до трухи перемалывая парня.

А еще хотелось Тамиру хоть раз побаловать девушек. В Цитадели, хотя и кормили сытно, о домашних разносолах приходилось только мечтать. А сластей хотелось... даже ему, и то нестерпимо. Киселя, хлеба с медом, ягод сушеных – хоть чего. И ведь мог бы, мог напечь и пряников, и сдобы, вот только на поварню не попасть. Донатос, как назло, ни разу не отослал ученика к кухарям, куда иных за малейшую провинность отправлял чистить котлы.

Юноша весь извелся, гадая, как извернуться и попасть в царство горшков и сковородок, а потом плюнул и перед праздником Колосовика нагло соврал старшей стряпухе Матреле, будто крефф отправил его к ней в помощники. Ночью же, начищая горшки и скобя полы, выуч молился Хранителям, чтобы наставник его не хватился, чтобы никто из кухарей не нашел закиданную ветошью кадку с опарой, притулившуюся у печи, а Матрела не обнаружила бы пропажу меры муки и нескольких яблок. Обошлось. Пирог вышел румяный, с золотистой корочкой. Не позабыли руки, как тесто месить!

Ныне же таилось его чудо под скамьей, в углу смотровой площадки, что на Главной башне, дожидалось вечера. И хотя отец с матерью всю жизнь учили сына, что воровство – грех, Тамир, запустивший руки в кладовую, не дрогнув, утащил еще и прошлогоднего меда.

Будет девкам сегодня Велик день. И плевать, что в Цитадели не принято провожать лето и встречать осень. Пускай что хочет говорит наставник, да только есть в году дни, которые надо встречать как предки завещали – по обычаем. Ну а коли поймают их, все одно – кнутом накажут только зачинщика, а он за одну улыбку Айлиши готов хоть пять раз на седмице поротым быть.

Тамир зашел в комнатку и застыл пораженный. Прекрасная девушка при свете лучины читала свиток. Тонкая рука с длинными нежными пальцами, белая, будто сияющая кожа, тени от ресниц на щеках...

Красавица! Какая же она красавица!

Врет крефф. Не может такая девка всю жизнь провозиться с болезными и немощными! Не может такого быть, чтобы никто не назвал ее своей! Юноша сжал кулаки.

Ну уж нет!

Вопреки всему отучатся, отдадут Цитадели двухлетний долг служения и вернутся под родной кров, к родительскому очагу. И он сам – сам! – введет ее в свой дом, и ни один

Ходящий ему не будет страшен, и ничьего осуждения он не побоится. Никому не позволит обидеть! Лишь бы набраться храбрости, открыть девушке свое сердце. Лишь бы не оттолкнула. Лишь бы любила.

– Айлиша, – негромко окликнул парень.

Чтица встрепенулась и, увидев того, кто ее позвал, расцвела.

– Тамир! Ты уже от Донатоса вырвался?

– Я его сегодня не видел, – улыбнулся он. – Надысь неподалеку упырь бродил, крефф его второй день ловит.

– Этот поймает, – убежденно сказала девушка. – От него ни живой, ни мертвый не уйдет.

– Да уж, – помрачнел выученик, однако уже через миг лицо просветлело. – Ну его.

Сегодня праздник, ты помнишь?

Она наморщила лоб, силясь вспомнить, какой Велик день выпадает на последние дни месяца плодóвника, и тут же потрясенно выдохнула:

– Колосовик! Я бы и не вспомнила...

– Совсем вы с Лесаной одичали тут. – Тамир покачал головой. – Ничего, зато я вспомнил. Вот дождемся воительницу нашу – будет вам радость. Главное, к месту прокрасться незаметно.

– А ежели поймают? Вон, Фебр с Лесанки глаз не сводит, как коршун следит, – испугалась Айлиша.

– Не поймают. Мы тихонько, после вечера, когда все спать улягутся.

– Куда? – Девичьи глаза загорелись любопытством. – Куда покрадемся?

– А вот не скажу, – улыбнулся Тамир и осторожно убрал с высокого чистого лба волнистую прядь. – Терпи до ночи, раз Велик день проморгала.

Целительница потупилась, а потом фыркнула:

– Больно надо!

Но он-то видел, как снедало ее любопытство. И становилось от этого весело.

– Скорей бы Лесана пришла, – вздохнула Айлиша и снова склонилась над свитком, пытаясь хоть как-то скоротать время и приблизить вечер.

Да только лгала себе юная лекарка. Ей не хотелось возвращения подруги. И в этот же миг девушка ужаснулась себе и своим мыслям. Неужто Лесана хоть раз мешала им? Нет. Не случилось такого. Мешать не мешала, а вот... лишней была.

За своими размышлениями целительница даже не заметила, что и на лице Тамира отразилось легкое разочарование. Юноша, глядя на зарумянившуюся девушку, уже пожалел, что не сможет провести вечер с ней наедине. Но, видимо, услышали Хранители его чаяния – не пришла Лесана. Клесх, поди, задержал. И стало влюбленным от этого и радостно и неловко одновременно.

Как впотьмах бежали босиком через пустой двор, как поднимались по крутой лестнице на площадку, оскалившуюся в черное небо зубцами бойниц, они запомнили смутно. Потому что сердце обмирало от ужаса от царящей над миром ночи, от легчайшего эха, разбуженного легкими шагами босых ног. Рука дрожала в руке, и дыхание застревало в горле от волнения, от предвкушения, от близости...

И лишь теперь, сидя на расстеленном плаще, поедая пирог и глядя на бескрайнее, усыпанное звездами небо, два юных выуча Цитадели поняли, что только ради таких вечеров и стоит жить.

Тамир не запомнил вкуса лакомства, даже мед и тот показался пресным. Юноша

смотрел в полумраке на улыбчивое лицо Айлиши, а видел только, как отражаются в ее глазах звезды. И серебряные искры, мелькавшие в черных зрачках, блестели ярче тех, что сыпались с неба. Девушка стояла, запрокинув голову, положив узкие ладони на каменную кромку стены, и с восторгом смотрела в темную высоту, а звезды сыпались, сыпались, сыпались... И казалось, будто они инеем оседают на короткие волнистые пряди, на нежную кожу, мерцают и переливаются. И так тихо было вокруг, только глухо стонали под ветром могучие вековые ели и пролетал у подножия башни ночной ветер.

Как-то само собой получилось, что юноша шагнул к девушке и обнял ее за плечи, закрывая от дерзкого сиверка, а она не оттолкнула, повернулась к нему и заглянула в глаза с такой шемящей лаской, что он вдруг понял: она видит в них те же падающие звезды, тающие, мерцающие.

Говорят, в незапамятные времена этот Велик день назывался не Колосовик, а Звездопадец. Ибо только раз в год, в эту ночь, небо, как слезы, роняло звезды. Но то было давно, сотни сотен лет назад, до того, как ночь стала принадлежать Ходящим. И Тамир всем сердцем возненавидел живущих во Тьме. Потому что, не будь их, все в его жизни сложилось бы иначе...

В кольце неожиданно сильных рук Айлише было тепло, а по телу разливалась сладкая истома. Лишь сейчас девушка заметила, как изменился за этот год ее друг. Злая учеба все же немного сострогала с него тело, даже черты лица, допрежь мягкие, теперь сделались жестче, и на скулах появилась щетина. Нет, он, конечно, не превратился в ремни и жилы, из которых теперь была свита Лесана, но... он стал другим. Это было видно и в развороте обещающих стать широкими плеч, и в потяжелевшем взгляде, и в упрямой складке, появившейся между бровями.

[Купить полную версию книги](#)